ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Е. ОЗЕРЕЦКАЯ

•

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

ИЛИ РАССКАЗ
ОБ АФИНСКОМ МАЛЬЧИКЕ,
КОТОРЫЙ ПОБЫВАЛ
НА ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ,
О ТОМ,
ЧТО ОН ТАМ УВИДЕЛ
И КАКИЕ
НЕОБЫКНОВЕННЫЕ СОБЫТИЯ
ИЗ-ЗА ЭТОГО ПРОИЗОШЛИ

ХУДОЖНИК
Ю. КИСЕЛЁВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАД
1972

Наверное, нет человека на земле, который был бы равнодушен к Олимпийским играм. Задолго до очередного Олимпийского года готовятся к нему все страны мира. Специальные комитеты обсуждают и решают, в какой стране проводить Игры. Лихорадочно тренируются будущие участники, заранее волнуются судьи, томятся ожиданием зрители...

И наконец, раз в четыре года, знаменательный день настаёт...

Девушки, одетые в древнегреческие хитоны, зажигают от лучей солнца Эллады олимпийский факел. Опустившись на колени, принимает этот факел юноша. Священный огонь факела, зажжённый у алтаря Древней Олимпии, символизирует собой мир и дружбу всех народов Земли.

Долгий путь предстоит огню. Много раз перейдёт он из одних рук в другие, много стран пересечёт он, не угасая, на кораблях, поездах и самолётах, прежде чем достигнет стадиона, предназначенного для Олимпийских игр.

И, когда вспыхнет огонь над праздничным стадионом, когда взовьётся олимпийский флаг и делегации разных стран вступят на стадион в торжественном марше, впереди всех пойдут спортсмены Греции.

Почему? Почему именно в Олимпии зажигается факел? Почему такая высокая честь выпадает на долю маленькой, гористой страны, не имеющей ни знаменитых спортсменов, ни редких рекордов?

А потому, что всё это было когда-то в её прошлом — далёком-далёком прошлом, отделённом от нас более чем двумя тысячами лет. Потому, что именно в этой стране родились в те далёкие годы Олимпийские игры, именно там десятки тысяч зрителей затаив дыханье следили за ходом игр и переживали даже сильнее, если это возможно, чем сегодняшние любители спорта.

Только каменные развалины, открытые археологами, стоят теперь там, где бушевали страсти олимпийских болельщиков древности. Упали разбитые колонны храмов, травой и кустарником поросли площади, песок и глина скрыли стадион и ипподром.

Но великая наука история сохранила для нас рассказ о былом величии Олимпии, о блеске и рекордах участников древних Игр. И о многих чудесах тех далёких дней узнает тот, кто прочтёт эту маленькую повесть...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I
ОЛИВКОВЫЙ ВЕНОК

— Боги благословляют этот дом! Супруга подарила тебе второго сына, хозяин! — закричали рабыни.

— Слышишь, Каллий? У тебя родился брат! — радостно сказал Арифрон стройному мальчику лет двенадцати.

— Да, отец, — почтительно ответил Каллий.

— Ты, как старший, должен всегда быть его защитником и другом, сын мой!

— Клянусь тебе в этом, отец! — И мальчик торжественно поднял вверх правую руку, призывая в свидетели богов. . .

Розовые и пурпурные блики заката медленно угасали на мраморе колонн.

Женщины, выглядывая из дверей, крикливо звали ужинать мальчишек, которые азартно играли в бабки в грязи посреди улицы. Из ворот богатого дома вышел привратник и повесил над входом венок из оливковых ветвей.

— Эй, глядите! У Арифрона родился ребёнок! — закричали мальчишки.

— Что, что он повесил? — нетерпеливо спрашивали женщины. — Шерстяную повязку или оливковый венок?

— Венок, венок! — весело кричали мальчишки.

— Значит, дом Арифрона посетило счастье, — степенно сказала старуха, — у него родился мальчик!

— Эх, бабушка! — засмеялась рыжая Евтихия, — это только для бедняков рождение девочки — горе. А в таком богатом доме и девчонке найдётся место. Лишний рот ничего не значит для Арифрона.

— Всё равно, — возразила старуха, — когда приходится вешать на дверях шерстяную повязку и весь город знает, что в семье родилась девочка, всякий скажет: «Боги к ним не благосклонны». Какой прок от девчонки?

— Много мне радости от моих мальчишек! — рассердилась Евтихия. — Эй, вы! Марш домой! Или хотите, чтобы суп пригорел? Нет у меня лишнего гороха!

* * *

— Хозяин идёт, хозяин! — громко закричали во дворе рабы.

В комнату торопливо вбежали рабыни и принялись складывать разбро-

санные игрушки, расставлять по местам стулья и взбивать подушки на сиденьях. Хорошенькая Ио, прислужница госпожи, поправила причёску вошедшей хозяйке и застегнула её серо-голубой хитон[1] красивой пряжкой на левом плече. Зеркало из полированного металла, прикреплённое к богато отделанной ручке, отразило красивое лицо с большими серыми глазами. Эригона быстро провела сурьмой по бровям, палочкой из свинцового сурика — по губам и знаком отпустила девушку.

Раб отодвинул заменяющую дверь занавеску. Сбросив ему на руки свой плащ-гиматий, в комнату величаво вошёл Арифрон.

— Знаешь, — сказал он жене, — я купил педагога[1] для Лина. Его зовут Гефестом.

— Почему так рано, муж мой? Мальчик ещё мал. Разве нельзя оставить его пока с сёстрами в гинекее?

— Только женщинам пристало спокойно жить на женской половине дома. Мужчина же должен учиться всему, чтобы стать государственным мужем.

Когда Арифрон с женой вошли в кухню, им навстречу поднялся коренастый широкоплечий человек, одетый в короткий шерстяной хитон.

Эригона взяла из рук повара корзиночку, наполненную сушёными фигами, и высыпала их на опущенную голову Гефеста, чтобы приобщить нового

[1] Хитон — кусок ткани с отверстиями для рук. Верхние концы скреплялись на плечах.

[1] Греческий педагог — не учитель, а что-то вроде дядьки, который повсюду сопровождает молодого хозяина и следит за его поведением.

раба к домашним порядкам и сделать покупку прибыльной и полезной на благо дома.

— Продавец говорил, что ты уж был педагогом, — сказал Арифрон.

— Да, господин. Я вырастил молодого Клеофонта.

— Ну, скажи мне, что должен делать педагог?

— Сопровождать молодого хозяина, куда бы он ни шёл — в школу, в палестру[1], носить за ним книги, таблицы, музыкальные инструменты. На улице надо следить, чтобы мальчик ни с кем не говорил, чтобы он шёл, опустив глаза и уступая дорогу взрослым.

— Так, хорошо. А известны ли тебе правила хороших манер?

— Мальчик не должен первым заговаривать со старшими или громко смеяться. Нехорошо класть ногу на ногу, опираться на руки подбородком. Если необходимо почесаться, надо делать это незаметно. Надо встать, если в комнату входят старшие.

— Знаешь ли ты, как должно вести себя за столом?

— Да, господин. Мальчику полагается ничего не брать самому, нельзя также ни о чём просить. Хлеб следует брать левой рукой, всякую другую еду — правой. Соленья берут одним пальцем, рыбу, мясо и хлеб — двумя...

— Ну, что ж, пожалуй, он достаточно обучен, не так ли, Эригона?

— Да, муж мой. Я надеюсь, он не будет очень суров с Лином.

— Если Лин слишком избаловался за семь лет, которые он провел с женщинами в гинекее, ему придётся попробовать розги, — засмеялся Арифрон.

[1] Палестра — площадка для спортивных упражнений.

Глава II
ШКОЛА

— Лин пойдёт завтра в школу! — распевала, припрыгивая на одной ноге, Геро.

— Пойдёт в школу! — пискливо вторила ей совсем ещё маленькая Ариадна.

— Тише, девочки, — недовольно сказала Эригона, — можно подумать, что вы рады. Ведь теперь вы совсем уже не будете видеть брата. С рассветом уведёт его Гефест в школу, и до самого заката бедный мальчик не вернётся!

— Всё равно мы и теперь его не видим, — надула губки Геро, — он давно не заходил в гинекей и не хочет играть с нами.

— Ты звала меня, госпожа? — с поклоном спросил вошедший педагог.

— Да, Гефест. Вот, возьми вещи, которые хозяин купил для мальчика: азбучные пластинки из глины, дощечки, натёртые воском, и палочка, на первое время, папирус, тростниковое перо, чернила и линейки. Ступай, Гефест, и помни — глаз не спускай с Лина!

— Да, госпожа...

На следующее утро сердитый, невыспавшийся Лин и Гефест быстро шли по улице. Солнце ещё не взошло, но неровные, кривые закоулки, образованные балаганами и лавочками в той части агоры, где располагался рынок, уже кишели людьми. С разных сторон подъезжали телеги, полные ящиками с рыбой, корзинами фруктов, мешками с визжащими поросятами и плетёнками с сыром. Прохладный утренний воздух был насыщен запахами ладана, кожи, рассола и свернувшейся крови.

Лин с любопытством поглядывал в сторону рынка.

— Пойдём туда! — сказал он Гефесту, который шёл немного позади, неся таблицы и дощечки.

— Нельзя, молодой хозяин, — тихо ответил Гефест.

— Вот ещё! Почему это? — возмутился Лин.

— Потому что рынок — не место для мальчика. Мало ли что можно там услышать...

— А я хочу! — И Лин сделал движение в сторону рынка. Крепкая рука больно сжала плечо мальчика и рыв-

ком повернула маленького упрямца в переулок, где помещалась школа.

— Нам сюда! — по-прежнему тихо, но строго сказал Гефест.

— Я тебя терпеть не могу! — злобно закричал Лин. — Я скажу отцу, чтобы он приказал тебя побить и продать на рудники!

Гефест грустно улыбнулся.

— Входи, молодой хозяин, — указал он на дверь школы.

Учитель Гиперид, помахивая своей бамбуковой палкой, слушал, как школьники нестройно повторяли хором:

— Один да один — два. Два да два — четыре!

— Ровнее, ровнее! Все вместе! Ты почему сбиваешься, Коккал? Вот тебе раз, а вот тебе и два!

Палка со свистом опустилась на руки провинившегося мальчика. Тот громко заревел.

— Замолчи, или я велю рабу поднять тебя на плечи и дам отведать ременного бича! Видно, права твоя мать — ты не учением занимаешься, а только бабками да проказами! Эй, кто там? — обернулся Гиперид к дверям.

— Сын почтенного Арифрона, Лин, — с поклоном ответил Гефест.

— А, знаю. Я ждал его. А ты ступай...

— Гефест, не уходи! — жалобно закричал Лин. — Я не хочу здесь оставаться!

«Рраз!» — звонко хлопнула бамбуковая палка, и рука мальчика сразу покраснела. Закусив губу, Лин исподлобья глядел на Гиперида.

— Знай, юноша, — важно сказал учитель, — невежда — самое дикое создание из всех, существующих на земле. Сыну почтенного Арифрона надлежит получить наилучшее образование. И кому же, если не Гипериду, можно поручить эту задачу?

С жалостью поглядев на опущенную голову Лина, Гефест тихо вышел.

— Приготовьтесь писать! — приказал Гиперид.

Мальчики поспешно разложили натёртые воском дощечки и взяли в руки костяные или металлические палочки. Гиперид положил перед каждым учеником по глиняной пластинке, на которой были написаны слоги.

— Ар, бар, тар, дар, ер, бер, тер, дер, — громко прочёл учитель. — Повторяйте за мной!

— Ар, бар, тар, дар, — нестройно загудели мальчишки.

— Коккал! Опять путаешь? Я сейчас задам тебе такую порку, что твоя кожа станет пестрее змеиной!

— Я больше никогда не буду!.. — пропищал Коккал, испуганно прикрывая руками голову.

— Смотри! А ты, Лин, почему молчишь? Или тоже соскучился по палке? Ну-ка, повтори: ар, бар, тар, дар. . .

— Ар, бар, тар, дар, — запинаясь и поглядывая на палку Гиперида, повторил Лин.

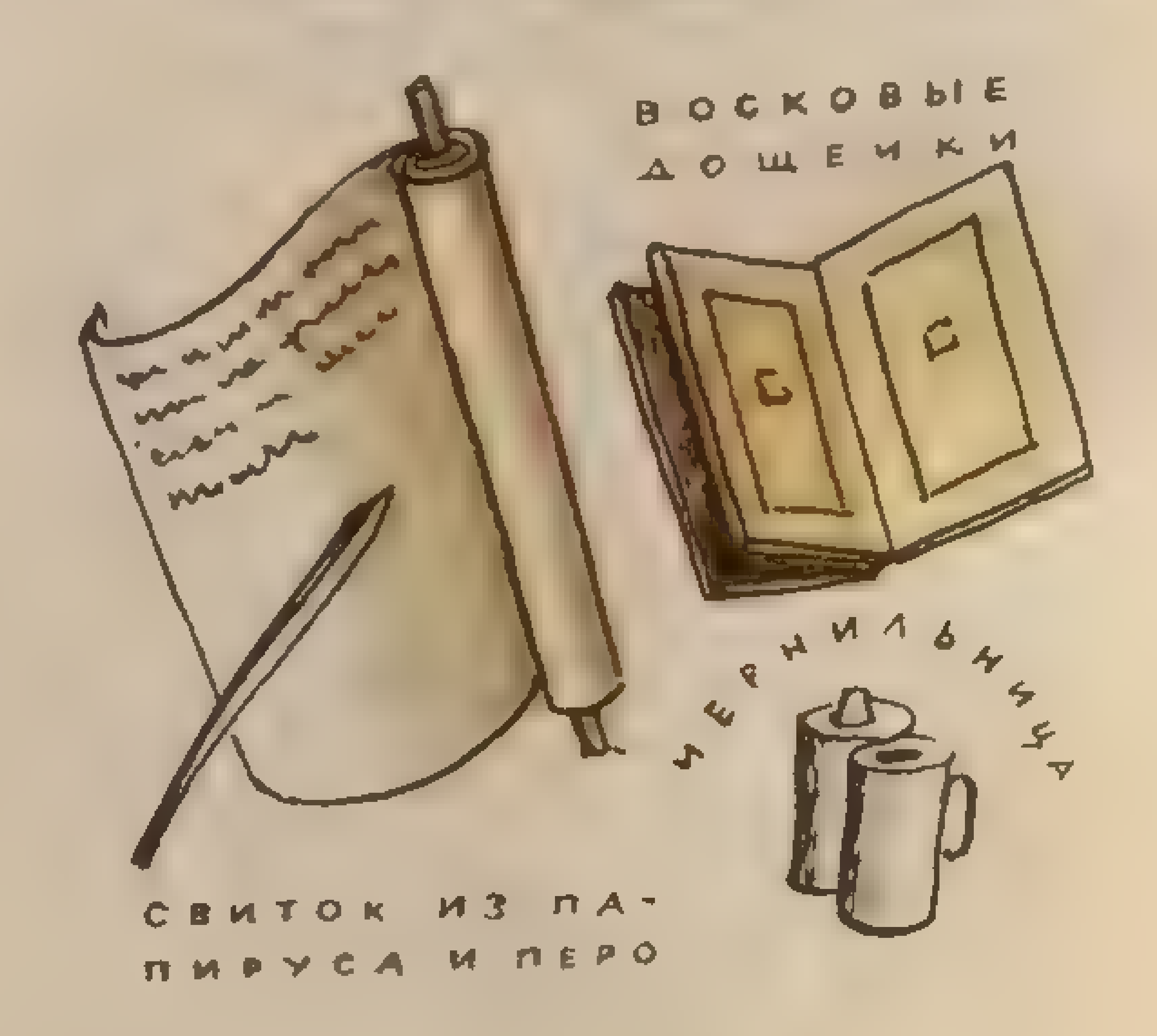
— Вот так. А теперь списывайте все эти слоги с глиняных табличек на свои дощечки. Если ошибётесь — затирайте плоским концом палочки, чтобы сгладить воск, и опять пишите!

Головы мальчишек склонились над табличками. Лин, как и другие, старательно царапал палочкой по дощечке, но получалось плохо. Ведь он никогда ещё не пробовал писать. . .

— А когда вы научитесь писать и читать, — продолжал Гиперид, — вы начнёте познавать великую науку музыки. В музыкальной школе кифарист научит вас играть на лире и флейте, вы будете петь в хоре и даже выступать на школьных праздниках перед публикой. Ибо, не зная музыки, нельзя быть истинным человеком.

«Вот, ещё и музыка. . .» — тоскливо подумал Лин и от огорчения даже перестал писать.

— Юноша! — загремел Гиперид, по-

трясая палкой, — и ты, видно, хочешь получить такую же порку, как я обещал Коккалу?

Лин снова принялся усердно царапать.

— Пиши, пиши! — кивнул учитель, — да поторапливайся. Скоро вы все пойдёте в палестру заниматься гимнастикой, чтобы приобрести силу, гибкость, крепость и красоту. Вам надлежит достигнуть гармонического совершенства души и тела. Без него вы никогда не станете деятельными слугами отечества в мире и на войне!

«Как хорошо было в гинекее с мамой и сестрёнками, — уныло думал Лин, — там я целый день играл и никто не заставлял меня ничего делать. А теперь, наверное, и поиграть не будет времени...»

— И запомните, — закончил Гиперид, — у педотриба в палестре тоже есть палка. С её помощью он научит вас не только гимнастике, но и хорошим манерам. Уж он последит, чтобы вы держались прямо и ходили носками наружу!

Так началась для Лина новая жизнь...

Глава III
СТАРШИЙ БРАТ

— Весна! Весна! Начинаются каникулы, и можно больше не ходить в эту противную школу! — распевал Лин, перебрасывая из руки в руку кучку бабок.

— Ну, а в музыкальной школе ведь нет каникул, молодой хозяин. Выучил ли ты уже песню «Крик, звучащий вдалеке»?

— Конечно, выучил, и гимн «Ужасная Паллада, разрушающая города» тоже.

— Ну, тогда поупражняйся на флейте.

Лин не возражал. Учиться музыке ему нравилось. Приложив флейту к губам, Лин заиграл грустную песенку, тихонько отбивая такт ногой.

— Недурно, — улыбнулся вошедший Арифрон, — только не слишком ли ты много времени тратишь на это занятие?

— Но, отец мой, — почтительно ответил мальчик, — ещё великий Солон[1] говорил, что дети должны учиться музыке...

— Верно. Но ещё важнее он считал гимнастику. А я что-то не замечаю, чтобы ты был слишком усерден в палестре.

Лин потупился. В палестре ему было неинтересно. Особенно не любил он борьбу, потому что ему не нравилось валяться в грязи, чтобы сделать тело более скользким, или, намазавшись оливковым маслом, кататься в пыли с противником, как требовал учитель-педотриб.

— Помни, о юноша, — говорил он, помахивая своей вилообразной палкой, — пыль, приставая к маслу, облегчает захват противника, и, стало быть, старайся как можно сильнее выкатать его в пыли.

И мальчишки «выкатывались» так, что даже стригилом — специальным скребком для очищения кожи от грязи — не всегда удавалось оттереться дочиста...

От тяжёлого каменного или бронзового диска болели мышцы — ведь самый маленький из них весил почти полтора килограмма. Метать деревянную палку, заменяющую в палестре копьё,

[1] Солон (VI век до н. э.) — афинский законодатель и поэт.

тоже было не очень-то просто. Бросок делали при помощи аментума — кожаного ремня, который прикрепляли к древку так, чтобы оставить петлю для пальцев. Педотриб требовал от мальчиков уменья метать копьё не только правой рукой, но и левой, а иногда заставлял их метать сразу два копья, обеими руками одновременно.

Против бега Лин ничего не имел. Он не раз отличался и в простом, на одну стадию, то есть на 183 метра, и в диавле, двойном, и даже в долихосе, когда надо было покрыть дистанцию шесть раз. Но вот прыжки у него получались плохо. Чтобы усилить толчок, полагалось в момент отталкивания от земли резким движением бросить вперёд гантели. У Лина же они вечно летели в сторону, а то падали и на ногу, что было пребольно. А педотриб тут же добавлял и своей палкой... Нет, не любил Лин палестры.

— Что ж ты молчишь? — строго продолжал Арифрон.

— Я... я хожу в палестру... — прошептал Лин.

— Ходишь, да, потому что от тебя этого требуют, не больше. А ведь ты знаешь, что гимнастика придаёт телу гибкость и крепость всех членов, развивает храбрость, силу и энергию. Без этих качеств ты не станешь достойным слугой отечества ни в мире, ни на войне! Бери пример с твоего старшего брата!

— Но ведь Каллий уже не мальчик, он давно перешёл из палестры в гимнасий, куда ходят только взрослые...

— А знаешь ли ты, что он стал известным атлетом и поедет защищать честь Афин на Олимпийских играх?

— Да неужто! — просиял Лин. — Вот молодец-то!

Лин очень любил брата. Высокий, красивый и весёлый Каллий был для мальчика идеалом. Он никогда не прогонял от себя младшего братишку и рассказывал ему множество интересных историй.

— А вот и я! — раздался весёлый голос. В комнату быстро вошёл Каллий и почтительно поздоровался с отцом.

— Значит, решено? — спросил Арифрон.

— Да, отец. Завтра еду, чтобы там тренироваться. Надеюсь, боги помогут мне не уронить честь отечества!

— Я уверен в тебе. К сожалению, брат на тебя не похож... Ступай к Гефесту, Лин, и помни, что я тебе говорил!

Опустив голову, с трудом удерживая слёзы, Лин вышел.

— Разреши мне сказать, отец... — начал Каллий.

— Не заступайся за своего любим-

ца! — сердито прервал Арифрон. — Где это видано, чтобы афинский мальчик был так равнодушен к спорту?

— Я как раз об этом и хотел сказать, — продолжал Каллий. — Отпусти его тоже в Олимпию. Увидев всё великолепие Игр, блеск и мощность атлетов, он захочет стать таким, как они, чтобы тоже когда-нибудь добиться звания олимпионика[1]...

— Но разве он не видит здесь, в Афинах, каких успехов добиваются его бесверстники? Разве он не знает, каким прекрасным спортсменом стал его собственный брат?

— Это не то, отец. Вся обстановка Олимпийских игр, красота всего, что с ними связано, наконец, бурный восторг тысяч молодых и старых зрителей обязательно увлекут и его.

— Ну, что ж, — помолчав, сказал Арифрон, — может быть, ты и прав. Пусть увидит сам, чего достигает человек, если он этого захочет. Только ведь ты не сможешь наблюдать за ним?

— Нет, конечно. Пошли с ним несколько слуг под начальством Гефеста, купи хорошую, большую палатку, и они прекрасно устроятся где-нибудь на берегу Алфея. Большинство приезжающих на Игры живут именно так. Да и что может случиться с мальчиком? Ты ведь знаешь, что Гефест не отходит от него ни на минуту...

— Ты хорошо придумал, мой Каллий! — улыбнулся Арифрон. — Будь по-твоему!

---

[1] Олимпионик — победитель на Олимпийских играх.

Глава IV
ВЕЛИКИЙ ГОРОД

— Я не хочу есть, Гефест. Не приставай ко мне.

— Хозяйка прислала тебе эти пирожки, молодой хозяин.

— Ну, съешь их сам и отвяжись!

— Пирожки пекут не для рабов, — усмехнулся Гефест. Лин удивлённо поднял глаза на педагога.

— Разве наших рабов кормят плохо?

— Нет, молодой хозяин. Мы всегда получаем и ячменные лепёшки, и фиги, и чеснок.

— И всё?

— Почему же? За обедом мы едим ячменную похлёбку, гороховый суп, солёную рыбу, чечевицу и сколько угодно воды. . .

Губы мальчика дрогнули, а на лбу пролегли лёгкие морщинки.

— Но ведь всё это ужасно невкусно. . . Знаешь, Гефест, я буду, пожалуй, прятать для тебя часть сладостей, которые мне даёт мать. . .

Чёрные глаза педагога потеплели.

— Молодой хозяин очень добр ко мне. Но я ничем не хочу отличаться от других рабов. Да и обманывать хозяйку нехорошо. Пирожки ты можешь съесть потом, когда проголодаешься.

А теперь продолжай читать. Я не буду тебе мешать.

Поставив блюдо на столик, Гефест вышел. Мальчик снова склонился над старым папирусом из отцовской библиотеки. Аккуратными крупными буквами чернели на нём строчки великого поэта Гомера:

Раб нерадив, не принудь господин повелением строгим
К делу его, за работу он сам не возьмётся охотой;
Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,
Лучшую доблестей в нём половину Зевес истребляет.

«Если даже это и так, — подумал Лин, — всё-таки можно же иногда давать рабам что-нибудь вкусное. Они бы тогда, наверное, лучше работали...»

— Что поделываешь, братишка? — весело спросил вошедший Каллий.

— Читаю Гомера...
— Молодец! Я тоже любил его.

Так он сказал: и мачта встаёт, и парус раскрылся;
Вздулась от ветра средина его; они распустили
Возле ещё паруса. И тут чудеса начались.

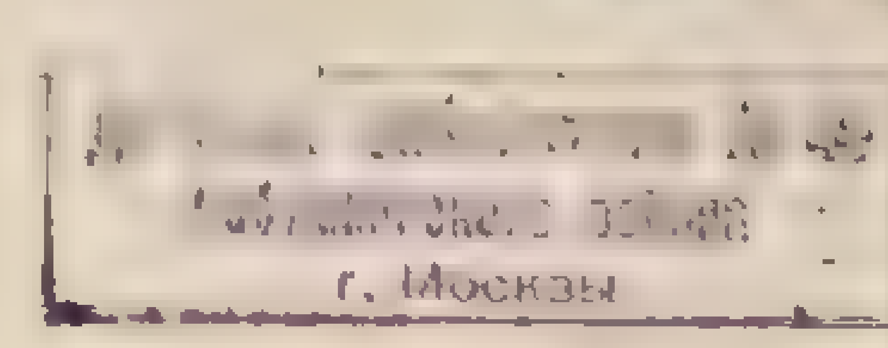
— Откуда берутся рабы, Каллий?

Юноша изумлённо посмотрел на брата.

— По-разному. Рабами становятся побеждённые противники и жители завоёванных городов. Например, после войны с персами на афинский рынок привезли более двадцати тысяч пленных. Дети, которые рождаются у рабов, становятся рабами. Знаешь, сколько таких ребятишек бегают у нас в доме.

— А греки бывают рабами?

— Редко. Вот, разве те, которых родители горшковали?

— Как это?

— Видишь ли, мальчик, в Афинах есть немало бедняков. А в бедных семьях рождение девочки считается несчастьем, потому что из неё не выйдет ни работника, ни воина. И случается, что отец кладёт новорождённую дочку в глиняный горшок и оставляет у дверей какого-нибудь храма. Это и называется «горшковать ребёнка».

— Что же будет с такой девочкой?

— Тот, кто возьмёт её, имеет право делать с ней всё, что хочет, даже превратить в рабыню.

Лин слушал брата, глядя на него широко открытыми глазами.

— Значит, если бы наш отец был бедным, он мог бы положить в горшок Геро и Ариадну? И они стали бы рабынями?

Каллий засмеялся.

— Не забивай свою голову пустяками, Лин. Тебе нужно думать совсем о другом. Ты должен стать достойным сыном уважаемого всеми гражданина, изучить все науки, которые преподаются юношам из знатных родов, а главное — готовить себя к тому, чтобы быть готовым защищать свою прекрасную родину. Кстати, не хочешь ли ты пойти погулять со мной и посмотреть наш чудесный город?

— Конечно, хочу, Каллий! — обрадовался Лин.

Выйдя из ворот дома, братья направились к центру города. Вначале пришлось идти медленно и осторожно, глядя под ноги. Улицы жилого района Афин, узкие и неровные, были невероятно грязны, потому что все помои

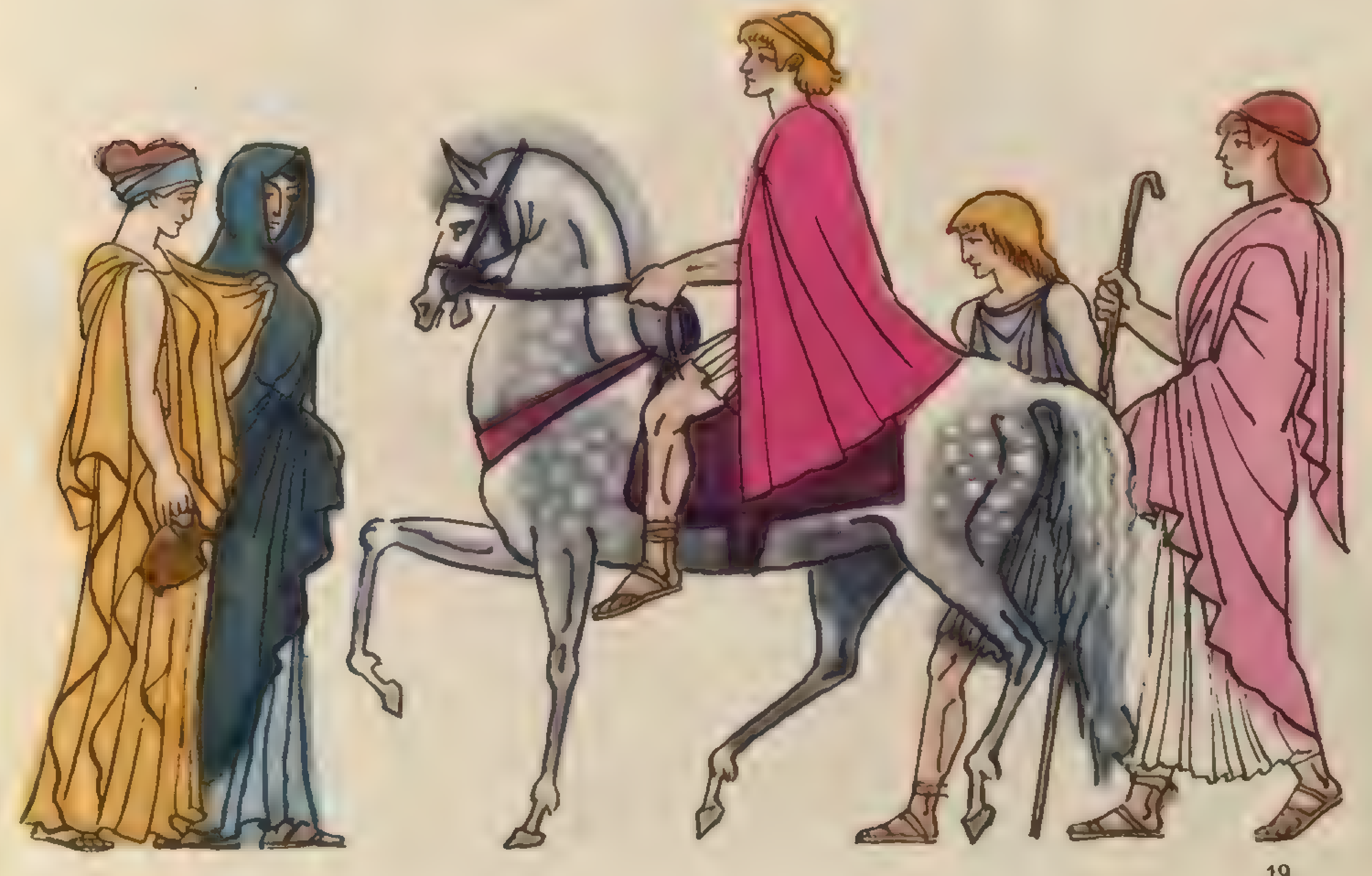

выплёскивались вместе с отбросами прямо из дверей, и всё это, застаиваясь в многочисленных ямах, издавало отвратительное зловоние. Названий греческие улицы не имели. Они назывались или по ближайшему храму, или по лавке какого-нибудь ремесленника. Например, у дома Арифрона был такой адрес: «Во внутреннем Керамике, недалеко от горшечной Евфрония, по левой стороне». Вблизи агоры — центральной площади Афин — дорога стала почище, и Лин ускорил шаг.

— Не спеши, братишка, — остановил его Каллий, — быстро ходить и громко говорить на улице неприлично.

Лин с любопытством разглядывал шумную, пёструю толпу. Крестьяне несли на плечах мешки с визжащими поросятами. Заклинатели змей предлагали полюбоваться своими ядовитыми питомцами. Пронзительно кричали, зазывая зрителей, фокусники, жонглёры, глотатели клинков и пылающей пакли. Повара-рабы с бритыми головами спешили на рынок или возвращались домой с корзинами, полными рыбой, кроликами, грудами овощей, фруктов и связками пряных трав. Путник в запылённом плаще жадно ел гороховую похлёбку, запивая водой из тыквенной бутыли. Богатый афинянин важно шёл в сопровождении рабов с покупками для вечернего пира, и медовые соты соперничали ароматом с венками из роз и сельдерея.

Обогнув район агоры, братья поднялись по широкой дороге на высокий холм, где находился Акрополь — начало великого города, его крепость и

АКРОПОЛЬ – КРЕПОСТЬ и СВЯТИЛИЩЕ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

АКРОПОЛЬ – КРЕПОСТЬ и СВЯ

II СВЯТИЛИЩЕ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

святилище. Венок из стен окружал расположенное наверху плоскогорье. Войдя внутрь, Каллий и Лин сразу оказались перед лицом богини, давшей имя городу. На голове бронзовой Афины-воительницы, возвышаясь на шестнадцать метров над землёй, сверкал в лучах солнца позолоченный шлем. Каллий указал мальчику вверх.

— Взгляни, Лин, на золотой наконечник копья богини. Когда корабль плывёт к Афинам, этот наконечник, как золотая звезда, сверкает на синем небе и служит маяком для моряков. Богиня, охраняющая Афины, первой встречает своих гостей.

— Кто же сделал эту статую?

— Наш земляк, скульптор Фидий. Он был тогда ещё совсем молодым. Сейчас ты увидишь ещё одну его работу.

— Где, Каллий?

— В самом прекрасном из всех созданий нашей архитектуры — в великом Парфеноне. Смотри же...

И восхищённый Лин увидел величественный храм из белого пентеликонского мрамора. Громадный, он казался воздушным и лёгким, словно случайно опустившимся на мгновение, чтобы увенчать собою вершину Акрополя. Восемь белоснежных колонн по фасаду и семнадцать по бокам, окружая храм, устремлялись к синему небу. На восточном и западном фасадах ряды колонн удваивались и над ними возвышались скульптурные фронтоны.

— Войдём внутрь, братишка, — сказал Каллий, — и ты увидишь ещё одно чудо, созданное Фидием...

Окружённая с трёх сторон двойным портиком, перед братьями предстала богиня Афина. Она стояла незыблемая в прямых складках своего золотого пеплоса[1]. Её левая рука покоилась на щите, обвитом кольцами змеи, правая держала фигуру Победы из слоновой кости и золота. Шлем, украшенный рельефными фигурами, заканчивался высоким гребнем, а нагрудник пеплоса был украшен страшной маской Горгоны, дочери морского божества, со змеями вместо волос, взгляд которой превращал, по преданию, людей в камень. Статую поставили так, чтобы лучи солнца падали через открытые двери храма прямо на сверкающую одежду и бледное, спокойное лицо богини.

— Вот она, Лин, — почти прошептал Каллий, не отводя взгляда от прекрасной скульптуры.

— Наверное, Фидий был самым знаменитым человеком в Афинах, правда, Каллий? Ведь никто другой не может создавать такие удивительные статуи!

— Нет, мальчик, — с грустью ответил Каллий, — Афины не сумели достойно отблагодарить великого скульптора. Ему пришлось даже покинуть родину...

— Почему, Каллий, почему?

— Видишь ли, Фидию многие завидовали. Завистники всячески старались погубить его. И прославленная на весь мир статуя не принесла счастья своему творцу. Дело в том, что из его мастерской исчезла часть слоновой кости и золота, выданных ему для работы. Фидия обвинили в краже и заключили в тюрьму. Он был бы казнён, если бы жители города Элиды не выкупили его, заплатив громадную сумму. А потом они его увезли...

— Куда?

— Скоро узнаешь, — таинственно улыбнулся Каллий. — Обещаю тебе, что ты ещё встретишься с третьей, последней в жизни работой Фидия. Ну, вот и всё на сегодня, братишка. Нам пора домой, иначе мы опоздаем к обеду.

— Пойдём, — неохотно ответил Лин.

[1] Пеплос — плотная верхняя одежда.

БОГИНЯ АФИНА –
ПРОСЛАВЛЕННОЕ ТВОРЕНИЕ ФИДИЯ

Глава V

В ОЛИМПИЮ

— Мама! Рабыни говорят, что Лин поедет к брату в Олимпию! Это правда?

— Да, Геро, — вздохнула Эригона, — отец решил послать его. И меня очень беспокоит, как он будет там жить один...

— Поедем и мы с ним, мама! Мне так хочется побывать в Олимпии!

— Ха-ха-ха! — залился вошедший в эту минуту Лин. — Вот так придумала! Разве ты не знаешь, что девчонок в Олимпию не пускают?

— Не выдумывай, Лин! — рассердилась Геро.

— Ах ты, дурочка!

— Зачем ты обижаешь сестру, Лин? — вмешалась Эригона. — Лучше расскажи ей, что знаешь сам...

— Расскажи, Лин, расскажи! — просили девочки.

— Ну, хорошо, — важно сказал Лин, — садитесь и слушайте. Во-первых, — начал Лин, помахивая своей палочкой, совсем как Гиперид, — Олимпийские игры бывают через каждые четыре года, на пятый...

— Это мы знаем! — вставила Геро.

— Если ты будешь меня перебивать, я не стану рассказывать!

— Не буду, не буду!

— Так вот. Когда Игры назначаются, повсюду объявляют священное перемирие. Никто не может ни с кем воевать, никто не смеет напасть на путника, идущего в Олимпию, и никто не имеет права войти туда с оружием. А кто эти правила нарушит, того постигнет проклятие богов и... штраф!

— Я же не собираюсь идти в Олимпию с оружием! — возмутилась Геро.

— А разве у девчонок бывает оружие? — расхохотался Лин. — Нет, женщинам вообще запрещается появляться на Играх. Туда пускают только муж-

чин. А если какая-нибудь нарушит запрет, её сбросят со скалы — и она убьётся до смерти.

— Мама, это правда?

— Правда, Геро, — тихо ответила Эригона, — ведь ты знаешь, что многое не дозволено афинским женщинам.

— Нельзя же равнять женщин с мужчинами, — презрительно заявил Лин.

— Твоя мать тоже женщина, сын мой,— строго сказала Эригона.— И хотя мы слабее мужчин, никто не смеет отказывать нам в уважении. Ступай и пошли ко мне Гефеста!

Смущённо потупившись, Лин вышел, не успев увидеть длинный язык, который показала ему вслед Геро.

Прошло два месяца. Рано утром у ворот стояли богато украшенные повозки. Рабы суетливо укладывали на них палатки, постельные принадлежности, посуду и множество съестных припасов. Укладкой распоряжался Гефест, а Лин бегал вокруг повозки и всем мешал.

— Не хочешь ли ты пройтись пешком, Лин? — улыбнулся, выйдя из ворот, Арифрон.

— Пешком? Куда, отец? — удивился Лин.

— Как куда? В Олимпию, конечно!

— В Оли-импию?— протянул Лин.— Пешком?

— Ну да. Тебе это будет очень полезно.

— Но ведь Олимпия далеко...

— Пустяки! Знаешь, что сказал философ Сократ одному лентяю, который тоже боялся идти в Олимпию пешком?

— Что?

— Он сказал: «Чего ты боишься? Разве ты не ходишь целый день по Афинам и по своему дому? Так и в путешествии: ты погуляешь, потом пообедаешь, ещё погуляешь, поужинаешь, поспишь, а через пять-шесть дней уже дойдёшь до Олимпии!»

Лин молчал. Идти пешком под палящим солнцем Эллады ему вовсе не улыбалось.

— Гефест! — позвал Арифрон.

— Да, господин?

— Пусть мой сын садится в повозку

только в том случае, если он очень сильно устанет. Но большую часть пути он должен пройти пешком. Ему необходимо закаляться...

— Слушаюсь, господин...

— Простился ли ты с матерью и сёстрами, сын мой?

— Да, отец...

— Ну, так в путь, и да сохранят тебя боги.

Отчаянно скрипя, повозки тронулись. Колёса загромыхали вдоль улицы. Все окрестные мальчишки с гиканьем и криками бежали рядом, с завистью глядя на важно идущего впереди Лина.

— Хорошо быть богатым, — вздохнула Евтихия и с ожесточением выплеснула вслед повозкам большой чан помоев.

Глава VI
СВЯЩЕННЫЙ АЛЬТИС

Обогнув ограду, повозки Арифрона въехали в северо-западные ворота Олимпии. Загорелый, весёлый Лин шёл впереди, с любопытством поглядывая по сторонам.

— Здравствуй, братишка! — раздался радостный голос. Из-за поворота быстро вышел Каллий, смеясь, обнял мальчика и пошёл рядом с ним.

— Каллий, Каллий! Я шёл пешком всю дорогу! — гордо заявил Лин. — Сначала мне не нравилось, а потом ничего!

— Я очень рад этому, Лин. Приветствую тебя в Альтисе!

— А что такое Альтис, Каллий?

— Альтис, то есть роща, — это священный округ Олимпии, в котором находятся все храмы, памятники и статуи. Лучшие греческие художники и скульпторы работали над его украшением.

— Ой, сколько статуй! Кого они изображают?

— Богов, героев и олимпиоников.

— Куда прикажешь нам повернуть, молодой хозяин Каллий? — почтительно спросил подошедший Гефест.

— Выезжай на берег реки, отыщи подходящее место и устраивайся, как другие. А я с Лином скоро приду, хочу только показать ему Зевса Олимпийского.

Аллеи, проложенные среди деревьев, расходились в разные стороны. По дороге, окаймлённой двойной линией статуй из мрамора и бронзы, Каллий вывел Лина к высокой террасе, на которой возвышалось величественное здание. Шесть девятиметровых колонн по фасаду и тринадцать по бокам составляли внешнюю галерею — портик. Над колоннами сверкали золотые щиты.

— Что это, Каллий? — изумлённо спросил Лин.

— Это, дружок, храм Зевса Олимпийского. А внутри находится знаменитая статуя Зевса. Войдём.

По одной из четырёх лестниц, которые вели на террасу, Каллий и Лин поднялись наверх и вошли в храм. Лин с любопытством поднял глаза и ахнул. Перед ним возвышался десятиметровый пьедестал, украшенный вызолоченными и раскрашенными рельефами.

На троне, отделанном золотом и драгоценными камнями, сидела громадная фигура. Её прекрасное величавое лицо было строго и спокойно. Устремлённые вдаль глаза видели, ка-

залось, что-то недоступное простым смертным. Великолепно высеченным мускулам мощной груди могли позавидовать многие атлеты, а ноги властно и твёрдо попирали спины двух разъярённых львов. В правой руке Зевс держал изображение богини Победы, в левой — скипетр, на верхнем конце которого сидел орёл.

— Кто изваял его, Каллий? — тихо спросил Лин, не сводя глаз со статуи.

— Прочти, — улыбнулся Каллий.

Лин подошёл поближе и прочёл надпись на постаменте:

«ФИДИЙ, СЫН ХАРЛЕНДА,
АФИНЯНИН, СОЗДАЛ МЕНЯ».

— Эта статуя — гордость всей Олимпии! — заметил Каллий. — А теперь пойдём посмотрим, как устроил Гефест ваше жилище.

Равнина на берегу реки Алфея, вся покрытая разноцветными палатками, особенно яркими под горячим летним солнцем, была похожа на гигантский пёстрый ковёр.

— Вон наша голубая палатка, — закричал Лин, — и Гефест ставит около неё стол!

— Послушай, Гефест, — сказал, подойдя к педагогу, Каллий, — Игры начнутся через пять дней. Таким образом, у вас хватит времени, чтобы всё осмотреть. Тут много интересного — храмы, памятники. В портике Эхо, например, стены повторяют семь раз каждое произнесённое слово. Послушайте речи ораторов, поэтов и философов, поглядите на известных атлетов. Ведь на Игры съезжаются знаменитости со всего мира. Мне же пора вас оставить...

— А ты уж давно здесь, Каллий?

— Только вчера пришёл. Два месяца все участники жили и тренировались в гимназиях города Элиды, — это два дня пути отсюда. А вчера нам сказали последние слова...

— Какие слова, Каллий?

— Те, которые говорятся по окончании тренировок: «Если вы тренировались так, чтобы быть достойными Олимпийских игр, если вы не провинились в лености и в недостойных действиях, идите смело. Если же вы вели себя иначе, ступайте на все четыре стороны...»

— И что?

— Ну, потом все вместе тронулись в путь, в Олимпию. Теперь все атлеты живут здесь, в специальных домах на берегу ручья Кладей. Там же купальни, бани и гимнасий. Режим тренировок у нас очень строгий, и опаздывать мне нельзя, иначе я отведаю розог, точно мальчишка... — И Каллий, взглянув на солнце, торопливо зашагал прочь.

Глава VII
ЧУДЕСА ОЛИМПИИ

Несмотря на жару, живописная, яркая толпа непрерывным потоком двигалась во всех направлениях. Среди других шли и Лин с Гефестом. Они уже успели полюбоваться картинами художников, выставленными в портиках, посмотрели новые статуи скульпторов. В портике Эхо послушали, как стены исправно повторили по семи раз имена Арифрона, Эригоны, Геро и Ариадны. Речи знаменитых ораторов, вокруг которых собирались целые толпы, и бе-

«НЕТ ДРУГОЙ ЗВЕЗДЫ БЛАГОРОДНЕЕ СОЛНЦА,
ЗВЕЗДЫ, ДАЮЩЕЙ СТОЛЬКО ТЕПЛА И БЛЕСКА
В ПУСТЫНЕ НЕБА.

ТАК И МЫ ПРОСЛАВЛЯЕМ ТЕ, ЧТО ВСЕХ ИГР
БЛАГОРОДНЕЙ – ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ».

(поэт Пиндар)

ГОРДОСТЬ ОЛИМПИИ – ХРАМ ЗЕВСА ОЛИМПИЙСКОГО

«НЕТ ДРУГОЙ ЗВЕЗДЫ БЛАГОРОДНЕЕ СОЛНЦА,
ЗВЕЗДЫ, ДАЮЩЕЙ СТОЛЬКО ТЕПЛА И БЛЕСКА
В ПУСТЫНЕ НЕБА.

ГОРДОСТЬ ОЛИМПИИ - ХРАМ

ТАК И МЫ ПРОСЛАВЛЯЕМ ТЕ, ЧТО ВСЕХ ИГР БЛАГОРОДНЕЙ – ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ ».

(поэт Пиндар)

...–ХРАМ ЗЕВСА ОЛИМПИЙСКОГО

седы философов не очень заинтересовали Лина, они показались ему скучноватыми. Зато к чудесному Зевсу Фидия он возвращался ещё не раз, замечая всё новые детали. Пол оказался выложенным чёрными мраморными плитами, обрамлёнными чуть выступающим ободком из белого мрамора, а перед статуей висел пурпурный шерстяной занавес, который опускали на ночь. Зевсу ведь тоже нужно было поспать. . .

Непрерывно происходило что-нибудь необыкновенное. Лин с восторгом смотрел на весёлые маскарадные шествия, вокруг которых толпились и хохотали зрители.

Но интереснее всего было смотреть на известных атлетов, всегда окружённых восторженными поклонниками, и слушать рассказы об их подвигах. Горг из Элиды был олимпиоником уже шесть раз. Полит победил в один и тот же день по трём разным видам спорта, а удивительный бегун Леонид Родосский не имел соперников четыре олимпиады подряд и получил 12 призов — за простой бег, двойной и шестерной. Много необыкновенных историй услышал Лин и о знаменитых атлетах прошлого. Милон Кротонский, шестикратный победитель в борьбе, сам принёс в Альтис свою статую. Стоя на диске, намазанном маслом, он смеялся над теми, кто пытался его столкнуть, а верёвку, повязанную на лбу, мог разорвать одним напряжением жил.

Другой атлет, Полидамант, прославился тем, что, войдя в стадо быков, схватил за копыто на задней ноге самого огромного и самого дикого. И бык не смог вырваться, пока не оставил копыто в руке Полидаманта. Одной рукой этот герой останавливал мчавшуюся во весь опор колесницу, а однажды, вступив безоружным в бой со львом, одолел зверя.

Когда Лин слушал эти рассказы, его глаза горели восторгом. Как хорошо быть таким всемогущим силачом, как приятно испытывать всеобщее поклонение!

— Пойдём посмотрим жертвоприношения, молодой хозяин, — сказал Гефест, сворачивая к одному из алтарей, где множество людей окружало громадное стадо быков, украшенных лентами и венками.

— Что это, Гефест? — изумлённо спросил Лин.

— Это гекатомба, то есть жертва из ста быков. Её могут приносить только очень богатые люди.

Фимиам, курившийся на алтаре, облаком окружал мраморные колонны и терялся в ветвях деревьев. Предсмертный рёв быков сливался с восторженными криками людей. Наполняя раскалённый воздух отвратительным смрадом, жрецы сжигали внутренности и задние ноги жертвенных животных и, в зависимости от того, как они горели, изрекали свои предсказания. Лина затошнило. Он не мог смотреть на это зрелище и отвернулся в сторону.

— Пойдём к другим алтарям, — предложил Гефест.

Не всюду жертвы были такими богатыми. Бедняки приносили, что могли, — барана, козлёнка, чашу вина или даже просто кусочек душистой смолы. Но у каждого алтаря толпились люди, благоговейно прислушиваясь к изречениям жрецов.

— Я хочу пить, Гефест, — сказал Лин. — Напьёмся у фонтана и вернёмся в палатку.

— Ну что ж, молодой хозяин, ты решил правильно. Нужно отдохнуть, ведь завтра начинаются Игры. А в палатке тебя ждёт вкусный обед. Повар приготовил твой любимый паштет из протёртого сыра, мёда и чеснока. . .

« ФИДИЙ —
СЫН
ХАРМИДА,
АФИНЯНИН,
СОЗДАЛ
МЕНЯ »

ЗЕВС ОЛИМПИЙСКИЙ

Глава VIII
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В первый день Олимпийских игр никаких состязаний не было. Весь он был посвящён различным подготовительным церемониям и жертвоприношениям. Атлеты, вместе с родственниками и друзьями, приносили жертвы у алтарей тех богов, которых они считали своими покровителями.

— Скорее, скорее, Гефест, мы опоздаем!

— Не опоздаем, молодой хозяин. Ещё солнце не взошло!

Рано утром началась первая церемония — торжественные испытания атлетов. Затаив дыхание, Лин смотрел на брата, стоявшего вместе с другими участниками перед статуей Зевса Клятвенного, которому приносились обещания. В правой руке бог держал молнию — это было предупреждением для тех, кто вздумал бы дать ложную клятву.

Блеснул нож, упал, обливаясь кровью, принесённый в жертву кабан. Каллий первым выступил вперёд. Склонив голову, он протянул руки к грозному божеству и громко сказал:

— Я, Каллий, сын Арифрона, афинянин, подтверждаю перед Зевсом, что тренировался, как требуют древние традиции великого праздника. Торжественно клянусь в том, что для достижения победы не буду употреблять неправильных приёмов.

И все атлеты повторили эти слова. А после них к статуе подошли судьи. Ещё раз они напомнили, что в Играх запрещается участвовать тем, кто был когда-нибудь осуждён или уличён в нечестном поступке. Запрещается также убивать противника, прибегать к незаконным приёмам и спорить с судьями. И каждый из судей, подняв руки, произнёс:

— Клятвенно обещаю, что буду выносить свои решения честно и неподкупно!

Лин с гордостью смотрел на Каллия.

— Он самый красивый из всех, правда, Гефест? — шепнул он.

— Да, молодой хозяин, Каллий, сын Арифрона, достойнейший из молодых атлетов!

Два человека внесли и поставили столб с прибитой к нему выбеленной доской. На ней, для общего сведения, распорядители написали имена всех,

допущенных к соревнованиям. Лину захотелось ещё раз увидеть имя брата, и он подошёл поближе к доске. Да, там, среди других имён, чётко стояло:

КАЛЛИЙ, СЫН АРИФРОНА,
АФИНЯНИН...

Между тем собравшиеся у статуи Зевса Клятвенного начали расходиться. Окружённый друзьями Каллий подошёл к Лину.

— Вот, друзья, — сказал он, — мой младший брат!

— Молодец! — вскричал высокий белокурый Ликон. — Ты, конечно, будешь таким же, как наш Каллий, когда вырастешь?

— Наверное, ты уже и сейчас отличаешься в палестре? — спросил Теллеас.

— А в каком виде спорта ты особенно силён? — заинтересовался Датон.

Лин сконфуженно опустил голову

— Не смущайте его, друзья, — остановил приятелей Каллий, — он еще мальчик. Но я уверен, что он не посрамит ни чести отечества, ни имени отца, когда придёт время. А теперь пойдёмт Я хочу принести жертвы и дать обеты у алтарей Аполлона и Артемиды Пусть бог искусств и его сестра, богиня-охотница, будут ко мне благосклонны.

Обняв Лина за плечи, Каллий пошёл по одной из аллей, а за ними весёлой толпой двинулась молодёжь. Позади всех шёл Гефест, ведя предназначенных в жертву белых ягнят.

Принеся жертвы Аполлону и Артемиде, юноши направились к статуе Милона Кротонского с тем самым гранатовым яблоком в руке, которого ни один силач не мог у него отнять.

— Не хочешь ли попробовать проделать любимую шутку Милона? — спросил у Лина Датон

— Какую?

Он прижимал к боку часть правой руки от плеча до локтя, а от локтя вытягивал её прямо вперед, так чтобы большой палец был наверху и поднят кверху, а остальные прижаты друг к другу. И никто, как ни старались силачи, не мог отделить от других пальцев его мизинец...

— Здорово!
Давай попробуем?

— Ну уж нет, — засмеялся Лин, — лучше не стоит! Ты, пожалуй, оторвёшь мне мизинец!

— Ну, ладно. Отложим это до следующих Олимпийских игр. За это время ты должен стать не слабее Милона. Идёт?

— Идет! — поддержал шутку Каллий. — Я сам буду тренировать его!

Все весело рассмеялись.

Весь день ходил Лин с Каллием от алтаря к алтарю, от одной статуи известного в прошлом олимпионика к другой. Всем приносились жертвы, у всех просили помощи и удачи.

— Каллий, — сказал один из спутников, — пойдём к Критию. Говорят, он лучший из всех предсказателей!

Седой, сгорбленный, одетый в тёмный хитон Критий пристально посмотрел на склонившегося перед ним юношу.

— Тебя ждёт удача, о Каллий, сын Арифрона! — изрёк он. — Листья оливы увенчают твой лоб. А ещё через несколько лет удача придёт и к отроку, плечи которого обнимает твоя рука!

Поблагодарив оракула и вручив ему золотую монету за такое прекрасное пророчество, Каллий отвёл Лина в сторону.

— Ты слышал, брат мой? — серьёзно, как взрослому, сказал он. — Твоя семья и твоё отечество будут ждать исполнения слов оракула!

— Я... я постараюсь, Каллий!.. — прошептал Лин.

— А теперь, друзья, — обратился Каллий к спутникам, — пора отдохнуть. Завтра рано утром начнутся состязания на колесницах. Ступай к себе, Лин, ложись и помни всё, что видел и слышал сегодня.

В палатке было темно и душно. Приподняв край полотнища, Лин задумчиво смотрел на крупные мерцающие звёзды.

«Как же быть? — думал он. — Я не могу обмануть доверие брата, надежды отца... Но ведь это так трудно — тренироваться изо дня в день целые годы, как делал Каллий... А мне больше нравится играть на флейте или читать прекрасные строки Гомера. Но отец говорит, что нельзя служить отечеству, не развив гимнастикой храбрость, силу и энергию... Как же быть?..»

Веки мальчика медленно сомкнулись, рука выпустила полу палатки, и Лин, утомлённый впечатлениями длинного, пёстрого дня, крепко заснул.

Глава IX
ДЕНЬ ВТОРОЙ

— Вставай, Лин, вставай скорее! — кричал Каллий, заглядывая в палатку.

— Это ты, Каллий? — сонно пробормотал Лин, не открывая глаз. Ему ужасно не хотелось просыпаться.

— Да вставай же! — повторил Каллий и, подойдя поближе, тряхнул мальчика за плечо.

— Ну, что ты, — капризно прищурился Лин, — ведь ещё совсем темно!

— А потом будет поздно! Все приходят задолго до рассвета, чтобы занять места!

И Каллий бесцеремонно вытащил брата из постели.

Действительно, на ипподроме было уже полно народу. Состязания на колесницах, запряжённых четвёркой лошадей, были самыми любимыми у зрителей.

В центральной части ипподрома на выступе Лин увидел бронзового орла с распростёртыми крыльями, а впереди — скульптуру дельфина.

— Что это, Каллий? — изумлённо спросил Лин.

Но Каллий не успел ответить. Раздался громкий сигнал трубы, дельфин упал на землю, а орёл взвился вверх. И сейчас же упали верёвки, закрывавшие входы в стойла. Медленно, одна за другой, выехали колесницы и выстроились в одну линию у стартового столба.

Ипподром на мгновение замер, но через секунду зрители уже разразились приветственными криками, от которых многие лошади с громким ржанием поднялись на дыбы.

Прогремел второй сигнал трубы, и лошади помчались вперёд. Сквозь облака пыли то там, то здесь в первых лучах утреннего солнца мелькали разноцветные одежды возничих, а лошади всё увеличивали и увеличивали скорость, взвиваясь на дыбы каждый раз, как проносились мимо музыкантов с их звенящими трубами. Стремясь обогнать несущихся рядом соперников, возничие безжалостно колотили лошадей остриями копий и хлестали их бичами между ушей. Ободы колёс покрылись хлопьями пены со взмыленных конских спин. Конский храп и стук колёс сливались с громкими криками зрителей.

— Какой круг идёт?

— Шестой!

— Нет, пятый!

— Беру богов в свидетели, что шестой!

— А всего им надо проскакать мимо стартового столба двенадцать раз!

— Смотрите, смотрите, они приближаются к Тараксиппу!

— Кому суждено сегодня погибнуть на этом месте?

— Смелее! Смелее вперёд, отважные возничие!

— Что такое Тараксипп, Каллий? — закричал, чтобы быть услышанным в общем шуме, Лин.

— Видишь на повороте, в самом опасном месте, круглый алтарь? Это и есть Тараксипп, «ужас лошадей». Здесь происходит большинство несчастных случаев.

— Почему?

— Потому, юноша, — наклонился к Лину сидящий сзади старик, — что Тараксипп — жилище злого демона, который наводит на лошадей непреодолимый страх!

— Это правда, Каллий?

— Кто знает? Одни считают так, а другие говорят, что при крутом повороте к финишу лошади просто пугаются своих собственных теней в лучах утреннего солнца!

Едва Каллий успел договорить, как раздался страшный треск. Двое возничих, яростно обгоняя друг друга, столкнулись у Тараксиппа. На них налетело ещё несколько. Грохот ломающихся колесниц, ржанье лошадей, крики и стоны возничих — всё смешалось в один чудовищный грохот. Всё пространство вокруг алтаря покрылось обломками. Один из возничих упал под колесницу и запутался в ремнях, но взбесившиеся лошади продолжали мчаться и мгновенно затоптали несчастного юношу. Другой, потеряв сознание и обливаясь кровью, всё ещё судорожно держал поводья, и кони тащили его по песку...

— Каллий! Каллий! — в ужасе кричал Лин, пряча лицо на плече брата.

— Тише, мальчик, тише, — успокаивал Каллий, сам взволнованный до глубины души.

— Сегодня ещё не так плохо! — вмешался опять старик. — Всё-таки из десяти пятеро уцелели. А две Олимпиады назад в живых остался только один!

— Но ведь так бывает не всегда, — сдержанно возразил Каллий, глядя на перепуганного братишку.

— Нет, конечно, — спокойно ответил старик. — Я помню немало бегов и с благополучным исходом...

СКАЧКИ НА КОЛЕСНИЦАХ

ПОВОРОТНЫЙ СТОЛБ

ПОДГОТОВКА К СКАЧКАМ (ПО РИСУНКУ НА ВАЗЕ)

СКАЧКИ НА
ВОЗНИЧИЙ
ПОДГОТОВКА К СКАЧКАМ

НА КОЛЕСНИЦАХ

ПОВОРОТНЫЙ СТОЛБ

(ПО РИСУНКУ НА ВАЗЕ)

— Пойдём скорее, Лин, — сказал Каллий, — пора на стадион. Сегодня во второй половине дня начинаются состязания по пятиборью. Пожелай мне счастья, братишка...

Олимпийский стадион находился очень близко от ипподрома, у южных отрогов холма Кронос. С одной стороны места для зрителей были устроены на естественном горном склоне, с другой — на специально сделанной насыпи. Здесь, как и на ипподроме, все места были заняты ещё до рассвета, но для Лина сберегли местечко друзья Каллия.

— Видишь медные статуи вон там, в углу? — спросил Теллеас.

— Вижу. А что это за статуи?

— Они поставлены на штрафные деньги. Если атлет опоздал или употреблял неправильные приёмы, с него брали штраф. На каждой статуе написано, кого оштрафовали и за что. Но дело не в этом. Около статуй подземный вход на стадион. Смотри внимательно, все выйдут оттуда...

Первыми торжественно шли распорядители. Одетые в пурпур, с лавровыми венками на головах, они важно занимали предназначенные для них места. За распорядителями показались атлеты. Медленно, один за другим, сохраняя определённую дистанцию, они обходили круг стадиона, а глашатай объявлял имя каждого из них, имя его отца и город, гражданином которого он был.

— Вот и наш Каллий! — закричали юноши. — Каллий, Каллий, мы приветствуем тебя!

— Каллий, Каллий! — кричал и Лин Впрочем, кричали все зрители. Ведь у каждого был среди участников или земляк, или родственник. Но глашатай поднял руку, и всё стихло.

— Спрашиваю всех вас, собравшихся здесь, — громко сказал глашатай, — нет ли возражений или отводов против участия кого-либо из допущенных к состязаниям? Если кто-нибудь из вас знает дурное об атлете, пусть скажет!

Трижды повторил глашатай эти слова, но зрители отвечали только приветственными возгласами, и атлеты вошли в специальное помещение, чтобы раздеться и натереться маслом. Выйдя снова уже обнажёнными, они приступили к жребьёвке.

Двадцать участников бега разделились по жребию на группы из четырёх человек, и победитель получал право участия в окончательном состязании. Таким образом, когда бег всех пяти четвёрок заканчивался, в финал выходило пятеро победителей, которые должны были оспаривать звание олимпионика, состязаясь между собой.

Вытащив из серебряной кружки распорядителя маленькие, с боб величиной, жребии с надписями, четверо атлетов выстроились у старта беговой дорожки. Каллий попал в первую четвёрку.

— Занять место нога к ноге! — закричал глашатай.

Бегуны поставили ноги ступня к ступне между специальными желобками, сделанными в нескольких сантиметрах друг от друга, и замерли. Это

исходное положение было очень неудобным, но олимпийские правила славились своей суровостью. «Того, кто стартует слишком рано, надо бить», — гласило одно из них, и значение желобков состояло в том, чтобы затруднить нарушение правил при старте. Судьи стояли наготове, держа в руках солидные рогатины.

Затаив дыхание, напряжённо ждали сигнала и участники, и зрители. Пропела труба, и бегуны рванулись вперёд. Дистанция равнялась одной стадии, то есть 183 метрам, но бежать приходилось по глубокому песку. Снова поднялся многоголосый крик. Кричали, подбадривая себя, бегуны, кричали им в ответ зрители, и атлеты мчались с непостижимой быстротой.

— Каллий, Каллий! — надрывался Лин.

Он весь дрожал от волнения. Да и все на стадионе волновались не меньше мальчика. Яростные болельщики кричали, махали своим друзьям и любимцам, вскакивали с мест, размахивали плащами, обнимали соседей или ссорились с ними.

Как молния промчался Каллий мимо своих друзей и первым достиг финишного столба. Грудь юноши тяжело вздымалась.

— Каллий победил! Каллий прибежал первым! — в восторге кричал Лин.

— Он бежал прекрасно! — серьёзно ответил Теллеас. — Но самое трудное ещё впереди. Ведь ему предстоит состязаться с лучшими из лучших!

Ещё четыре раза выстраивались у старта. Ещё четырежды захлёбывались от восторга зрители, приветствуя победителя. И, наконец, на поле осталось только пять человек. Кто из них станет первым олимпиоником? Кому суждена победа?

Лин со страхом смотрел на четверых юношей. Все они далеко опередили соперников, каждый в своей четвёрке, и все они выглядели такими могучими, что стройный Каллий казался хрупким рядом с ними. Удастся ли ему победить их!

— Какие атлеты! — крикнул кто-то среди наступившей напряжённой тишины.

В пятый раз пропела труба. Пять бронзовых тел так молниеносно рванулись вперёд, что судьи с рогатинами поспешно отскочили от стартовой линии. И сразу же с ужасом увидел Лин, что Каллия опередил Феаген — самый опасный из соперников, Феаген, о котором рассказывали, что он обгоняет зайцев.

— Феаген! Феаген! — кричали зрители.

— Что же это, Ликон? — задохнулся Лин, судорожно ухватившись за руку юноши.

— Ничего ещё не известно! — пытался успокоить его Ликон, который сам весь дрожал от волнения и страха за друга.

— Феаген! Феаген! — звенели в ушах Лина крики зрителей. Он закрыл глаза руками, чтобы не видеть поражения брата. Но вдруг. . .

— Каллий! Каллий! — услышал мальчик и опустил руки.

— Феаген!

— Каллий!

— Феаген!

Стадион неистовствовал. Каллий и Феаген бежали рядом, но ежесекундно то один, то другой вырывался вперёд. Сердце Лина билось с такой силой, что удары его отдавались во всём теле.

— Феаген!

— Каллий!

— Феаген! Феаген!

До финиша оставалось совсем немного, когда Феаген заметно обошёл Каллия. Казалось, исход борьбы уже предрешён, и слёзы невольно выступили на глазах Лина. Но внезапно отчаянным броском Каллий рванулся вперёд и, оставив позади Феагена на последних нескольких метрах дистанции, первым пересёк финишную линию.

— Победил Каллий, сын Арифрона, афинянин! — громко объявил, выйдя на середину стадиона, глашатай.

— Подойди ко мне, сын мой! — сказал почтенный, пожилой распорядитель. Каллий почтительно склонил перед ним голову, и распорядитель возложил на потемневшие от пота волосы венок из веток дикой оливы, срезанных золотым серпом с дерева, которое росло у храма Зевса.

Друзья, земляки, знакомые и незна-

комые поклонники с громкими приветственными криками бросились к новому олимпионику. Они окружили его, засыпали цветами и, наконец, торжественно понесли на руках к помещению атлетов, где он должен был немного отдохнуть и приготовиться к следующему состязанию. Лин хотел остаться с братом, но тренер бесцеремонно выставил всех вон.

— Молодец, Каллий! Молодец! — восторженно сказал Ликон. — Он достойный преемник Фиддипида, Агея и Лады. Ты, конечно, знаешь о них, Лин?

— Н-нет, — неуверенно ответил мальчик.

— Вот так-так! Брат олимпионика не знает знаменитых олимпиоников!

— Расскажем ему! — предложил Датон. — Говори, Теллеас!

— Ну, слушай, Лин. Фиддипид пробежал за два дня от Афин до Спарты[1]. Агей, когда победил в беге здесь, на Олимпийских играх, сбегал домой в Аргос, рассказал там о своей победе, а ночью вернулся в Олимпию, чтобы участвовать в соревнованиях следующего дня[2]. А Лада пробежал дистанцию с такой быстротой, что у него даже не оказалось соперников. Он обогнал всех больше чем вдвое.

— Ты, конечно, видел статую Лады, работы знаменитого скульптора Мирона? — вмешался Ликон.

— Кажется, видел. . .

— Кажется! Ему кажется! — возмутился Теллеас. — А ты знаешь, что эта статуя своей красотой вдохновляет поэтов? Вот послушай, какие чудесные стихи написал о ней один из них:

Словно в эфире парящий ногами,
стремится он к цели,
Сильно вздымается грудь, верой
в победу полна. . .

[1] Около 240 километров.
[2] Около 100 километров.

Вот таким-то тебя здесь поставил, Лада,
сам Мирон.
Лёгкий, как воздух, летишь с поднятой
вверх головой.
Полон надежды ты. Губы чуть тронуты
свежим дыханьем.
Жажда к победе в груди взносит
желания вверх.
Вот он, лёгкий, как воздух, сейчас
с пьедестала соскочит,
Чтобы венок получить. . . Он не из
камня — живой!

— Тише! — прервал Теллеаса Датон. — Служители уже выровняли землю в скамме, а вот идут и флейтисты!

Углубление длиной более пятнадцати метров, в которое прыгали на Олим-

пийских играх, называлось скаммой. На тщательно выровненной, мягкой земле ясно отпечатывались следы ног, и если по отпечаткам было видно, что одна нога ступила впереди другой, прыжок не засчитывался.

Прыжки всегда сопровождались музыкой, так же как метание диска или копья.

Запела труба, и атлеты снова вышли на стадион. В руках у каждого были каменные или металлические гантели, при виде которых Лин тихонько вздохнул. Неужели он так и не справится с ними? Нет, он должен добиться успеха, как другие. А без гантелей прыгать нельзя, — ведь они точнее направляют размах руки, усиливают отталкивание, увеличивают длину прыжка, да и на землю легче стать твёрдо — так, чтобы ноги оказались точно рядом!

Флейтист в длинной, до самой земли, одежде поднёс к губам свою двойную флейту, и соревнования начались. Один за другим взлетали атлеты с небольшого возвышения у края скаммы. Каллий и теперь прыгнул лучше многих, но на этот раз победа досталась не ему. Когда на возвышение поднялся знаменитый прыгун Фаилл и зрители устроили своему любимцу овацию, Лин понял, что Каллию венка не получить.

— Следи внимательно, мальчик, — шепнул Датон, — ещё никто не превзошёл Фаилла в мастерстве!

Высокий, стройный Фаилл вытянул вперёд руки с каменными гантелями и рванулся вперёд. В момент прыжка его руки на секунду опустились вниз, затем он снова стремительно выбросил их вперёд, чтобы удлинить полёт, а в последнее мгновение перед приземлением резким рывком отбросил руки назад и чуть согнул колени. . .

Судья, который стоял наготове, чтобы провести черту там, где приземлится прыгун, только растерянно проводил его глазами. Ноги Фаилла коснулись земли далеко за пределами скаммы!

— Если бы я не видел этого сам, никогда бы не поверил! — вскричал Ликон.

Стадион неистовствовал. Люди вскакивали, обнимали друг друга, бросали на песок стадиона цветы и ленты, а когда распорядитель надел венок на голову победителя, десятки других венков полетели к ногам Фаилла.

Солнце уже поднялось высоко, и жара становилась нестерпимой, но ни один человек не покидал своего места. Все с нетерпением ожидали следую-

щего состязания — метания диска. Но Лин уже так устал, что едва смог смотреть, как дискоболы принимали первую исходную позицию, перенося центр тяжести на широко расставленные ноги, потом, выдвинув правую ногу, выносили диск левой рукой вперёд. Перехватив диск правой, они широкими взмахами раскачивали его вниз и назад, поворачивая одновременно голову и тело вправо. Это выглядело точь-в-точь так, как на знаменитой статуе Мирона «Дискобол», которую Лин хорошо знал.

В этом состязании Каллий тоже не завоевал первенства, но его друзья и не ждали этого. Его мастерство должно было снова проявиться в метании копья. Здесь же опять победил Фаилл. Тяжёлый овальный камень[1] рассекал воздух словно маленький камешек, брошенный в воду мальчишкой...

— Ты что, заснул? — толкнул мальчика в бок Ликон.

Лин испуганно открыл глаза. Он и не заметил, как задремал, измученный волнением за брата, жарой и ослепительным светом.

— Вот они, смотри! — продолжал Ликон.

Атлеты медленно обходили стадион. В руках у каждого было копьё — шест в рост человека, толщиной в палец, с закруглённой шишечкой на конце. За-

[1] Такой диск, диаметром 34 сантиметра и толщиной 10 миллиметров, весом почти 6 килограммов, найден при раскопках в Олимпии.

кругление это придавало верхушке копья необходимую тяжесть, без которой оно не могло бы правильно лететь. Да и безопаснее было так, — Лин знал об одном трагическом случае, когда атлет нечаянно убил мальчика, бежавшего через площадь в палестре.

— Каллий! Каллий! — закричали опять поклонники.

— Видишь, Лин, — сказал Датон, — как низко прикрепил Каллий свой аментум к древку?

— Вижу. Это чтобы увеличить длину броска, да?

— Ну да. Если бы ему нужно было попасть в цель, он прикрепил бы аментум выше. Но сейчас требуется только, чтобы копьё полетело как можно дальше.

Один за другим, по жребию, выходили на стартовую линию метатели. Судья пристально следил, чтобы никто из них не сделал лишнего шага вперёд, и копья со свистом, быстро вращаясь[1] в пути, летели к своей цели.

У Каллия оказался один из последних номеров. Когда брат поднял копьё, Лин опять заметил красоту и гармоничность каждого его движения.

«Я рядом с ним совсем нескладный!» — с горечью подумал он.

Голова Каллия была повёрнута назад, глаза пристально смотрели на правую руку. Приспособив и проверив

---

[1] Ремень позволял метателю придать летящему копью вращательное движение, что резко повышало дальность броска.

положение пальцев на ремне, он отвёл правую руку назад до отказа, туго натягивая ремень. Затем, повернув корпус влево и вытянув левую руку вперёд, он рванулся с места. Разбег его всё ускорялся. Перед самым броском он согнул правое колено, опустил правое плечо так, что древко копья почти лежало в кисти руки, и... словно молния прорезала воздух!

— Он победил, победил! — кричали друзья юноши.

— Слава Каллию, он стал олимпиоником второй раз за один день!

— Честь его отцу и Афинам, воспитавшим такого атлета! — неслись со всех сторон крики. Вторично сегодня, как и имя Фаилла, прозвучало имя Каллия, сына Арифрона, афинянина, и вторично лёг на кудри юноши оливковый венок.

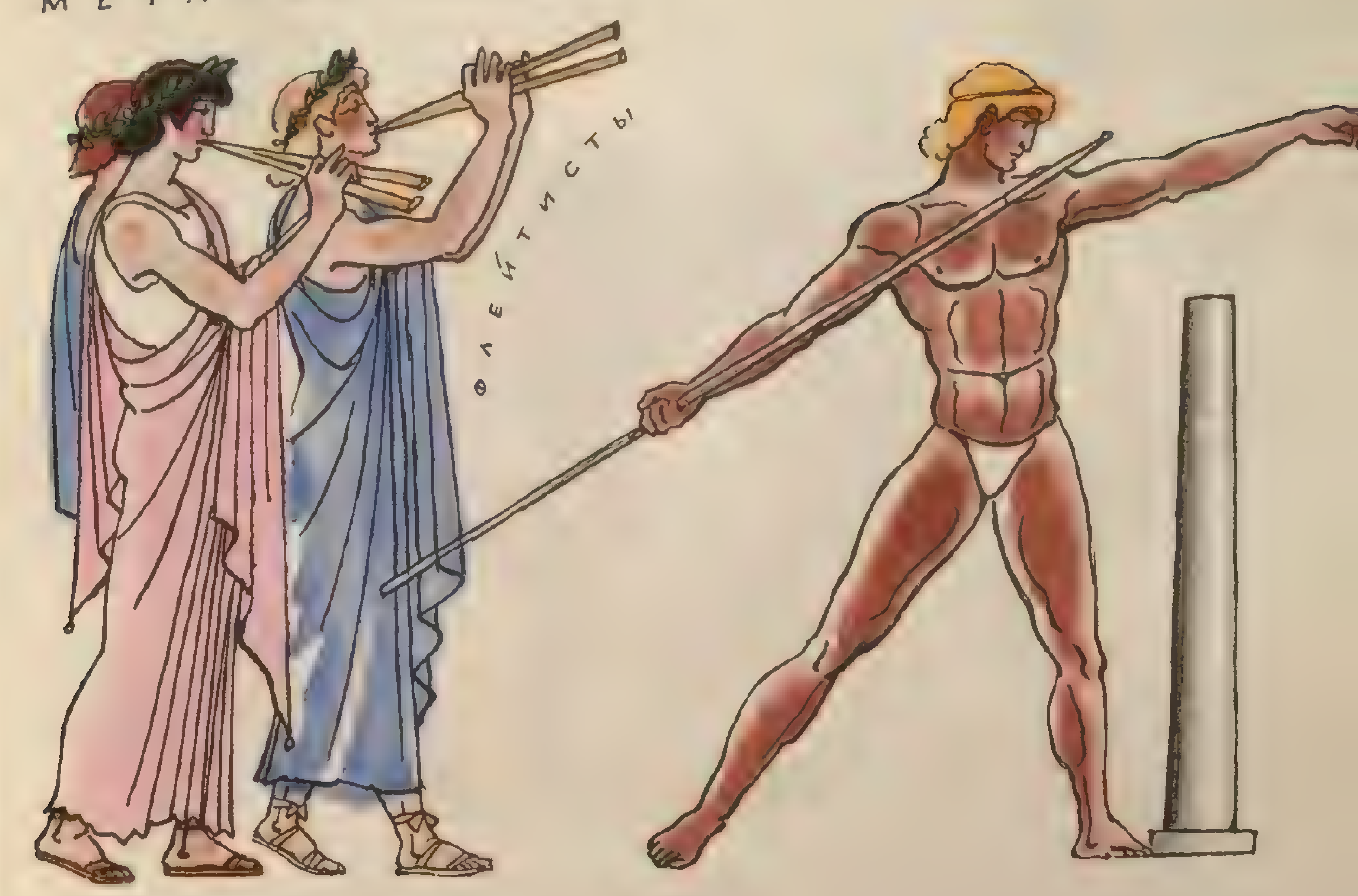
Подхватив сияющего Лина, Ликон, Датон и Теллеас бросились к другу. Им едва удалось пробиться через толпу почитателей.

— Ну вот, друзья, — сказал, обнимая брата, Каллий, — теперь я буду с вами до конца Игр. Больше ни в одном соревновании я не участвую!

— Ты сейчас пойдёшь с нами? — спросил Лин.

— Нет, мне нужно вымыться и одеться. Я приду к вам попозже.

— А ты успеешь вовремя?

— Конечно. Готовить арену для борьбы будут довольно долго.

Зрители воспользовались перерывом, чтобы перекусить и напиться. Появились захваченные с собой припасы, небольшие глиняные кувшины-лекифы, наполненные вином, смешанным с водой из фонтанов, и маленькие сосуды для питья.

— Держи, Лин,— обратился к мальчику Теллеас, протягивая красивый фиал, на красном фоне которого чёрные фигурки яростно тузили друг друга.

— Спасибо. Вот, возьми, Теллеас,— и мальчик протянул корзиночку, данную ему перед уходом Гефестом.

— Ну-ка, ну-ка, посмотрим, что там у тебя? — развеселился Датон, открывая корзинку. — Фиги, солёный миндаль, сыр, пирожки! Неплохо!

— Есть ли для меня местечко? — весело спросил подошедший Каллий.

— Конечно! Садись, мы сдвинемся поплотнее.

— Каждый сочтёт за честь сидеть рядом с тобой!

— Выбирай, прекрасный юноша! — наперебой предлагали окружающие зрители.

— Спасибо, друзья! Я сяду с братишкой! Дай-ка мне пирожок и глоток вина, Лин!

Борьба

На арене служители уже заканчивали подготовку усыпанной песком площадки для борьбы. Как и место для прыжков, она называлась скаммой.

— Каллий, — удивился Лин, — разве они не будут поливать скамму водой, чтобы получилась грязь?

— Нет, мальчик. Это делается только на тренировочных площадках.

— А правила борьбы здесь те же, что в палестрах?

— Не совсем. Здесь борец выигрывает, если заставит противника коснуться земли бедром, спиной или плечом, то есть упасть не меньше трёх раз.

Гром приветствий прервал Каллия. На арену вышли борцы и приступили к жребьёвке.

— Как подбираются пары? — спросил Лин.

— В урне лежат по две таблички с одинаковой цифрой; те, которые вытянут одинаковые таблички, борются друг с другом. Потом победители опять разбиваются по парам — и борьба продолжается, пока на поле не останется один борец. Он и будет признан победителем.

— Смотрите, первая пара уже готова! — перебил Датон.

Широко расставив ноги и выдвинув правую немного вперёд, борцы вытянули руки и вобрали голову в плечи так, что спина и затылок слегка приподнялись. Такая поза затрудняла для

противника нападение. Но приступить к борьбе они не спешили и неподвижно стояли друг против друга. Замер и стадион. Самые шумные из зрителей молча, напряжённо следили за борцами.

— Почему они не начинают? — прошептал Лин.

— Они следят за манёврами противника, чтобы внезапно воспользоваться какой-нибудь ошибкой.

— А долго они так простоят?

— Не знаю, — засмеялся Каллий, — бывали случаи, что и целый день!

Солнце нещадно палило бронзовые от загара тела, похожие в своей неподвижности на медные статуи. Зрители молча ждали.

Внезапно статуи ожили. Один из борцов молниеносным движением схватил противника поперёк туловища и перебросил его через голову. Однако тот не упал. С такой же быстротой, круто повернувшись, он подставил врагу подножку, и соперники сразу перешли от неподвижности к яростному сражению. Наносить удары правилами борьбы было запрещено, но подножки, толчки и различные хитрые уловки, обманывающие противника, разрешались. Борцы то хватали друг друга за ногу, пытаясь повалить, то зажимали голову врага между ногами, то мёртвой хваткой захватывали шею. Густая пыль, поднятая ими, почти скрывала их иногда от глаз зрителей. Наконец один из них вспрыгнул другому на голову, просунул локти ему под подбородок, а но-

гами охватил тело и сковал таким образом свободу движения врага.

— Прекрасно! — сказал Ликон. — Это совсем новая уловка, и к тому же она не принадлежит к числу запрещённых!

Так же решили и судьи. Глашатай провозгласил имя Алкимедонта из Эгины. Ещё три раза предстояло сегодня зрителям услышать его имя. Победив во всех четырёх турах, Алкимедонт был признан олимпиоником в борьбе на этих Олимпийских играх.

Борьбой закончилась программа второго дня.

У входа на стадион ждал, как всегда, Гефест.

— Ступай к себе, Лин, — сказал Каллий, — тебе пора спать.

— А ты? — спросил Лин.

— О, мы ещё не скоро ляжем, — засмеялся Теллеас, — новые олимпионики будут праздновать победу!

— Как праздновать?

— Ну, победители и их друзья с венками на головах и все поклонники пойдут с песнями к Альтису. Гимнами будут прославлять олимпиоников, их род, город, в котором они жили. А потом новые герои устроят пир!

Юноши с шумом и смехом ушли, а Лин с сожалением поглядел им вслед.

— Пойдём, Гефест, — грустно сказал мальчик.

Глава X

УКРАДЕННАЯ СВОБОДА

В этот вечер Лину совсем не хотелось спать. Всходила полная луна, такая яркая, что в её свете, казалось, тускнели звёзды, а со стороны Альтиса доносился весёлый шум и звучали песни.

— Тенелла![1] — пели молодые голоса под нежный аккомпанемент флейт.

— Гефест, — помолчав, начал Лин.

— Да, молодой хозяин?

— Ты помнишь, как спас меня от бешеного быка, когда мы были в деревне?

— Конечно, — улыбнулся Гефест. — У меня до сих пор в плохую погоду ноет нога, которую он проткнул!

— Почему ты это сделал? — неожиданно спросил Лин.

— Что? — не понял педагог.

— Почему ты бросился мне на помощь? Ведь бык мог убить тебя?

— Меня с детства учили, что трусость недостойна мужчины, — ответил Гефест.

— Где ты жил, когда был маленьким?

В наступившей тишине ещё громче доносились весёлые возгласы:

— Тенелла!

— Слава тебе, могучий Геракл!

— Я скиф, — тихо начал Гефест, — и родился очень далеко от Афин, по ту сторону Понта[1], в степях, где нет никого, кроме кочевников.

Гефест умолк. Его глаза смотрели куда-то вдаль, словно он видел необозримые, поросшие ковылём степи и

[1] Тенелла — подражание звуку струнного инструмента.

[1] Чёрное море.

слушал ржание бешено мчавшихся табунов. Молчал и Лин.

— Пойдём спать, Филоксен, — пробормотал кто-то невдалеке.

— Клянусь богами, Менон, я не могу узнать нашей палатки. . .

Кутить нехорошо: как лишнего хлебнёшь,
В чужую лезешь дверь, кого-нибудь прибьёшь! —

засмеялся первый.

Шаги утихли. Видимо, подгулявшие приятели пошли искать свою палатку дальше.

— Почему же ты стал рабом?

— Потому что однажды ночью враги напали на нас неожиданно, перебив дозорных. Сонного, меня связали и увезли. А потом — продали.

— Моему отцу?

— Нет, — улыбнулся Гефест, — твой отец никогда не бывал так далеко от Афин. Всех пленных привезли в большой город на берегу моря. Я в первый раз увидел высокие храмы с мраморными колоннами, статуи богов и героев. Впервые увидел я и море. . .

— Какой же это был город?

— Это был Пантикапей[1], столица Боспорского царства. В гавани стояло много больших кораблей, и ветер колыхал их паруса — два больших, один над другим, на мачте, и третий поменьше, под ними. На палубе сидели гребцы. Вот на такой корабль погрузили тюки кожи и шерсть, зерно, солёную рыбу и. . . рабов. Всё это везли в Афины, чтобы продать на рынке.

— И тебя тоже продали?

— Конечно. С тех пор прошло немало лет.

— Как же ты очутился у нас в доме?

— Когда молодой Клеофонт, которого я воспитывал, вырос, я стал ненужен, и его отец снова продал меня. Так я попал в дом почтенного Арифрона. . .

— Когда я вырасту, отец не продаст тебя! — горячо воскликнул мальчик.

— Кто знает? — насмешливо улыбнулся Гефест, — может быть, не продаст, а обменяет на породистую собаку, как девушку Мелиссу. Всё можно сделать с человеком, у которого украли свободу. Да разве ты сам не грозил, что попросишь отца продать меня на рудники, когда я первый раз вёл тебя в школу? . .

Лин покраснел и ничего не ответил. Странные мысли проносились в его голове. Он привык слышать, что раб — просто одна из вещей в доме, больше ничего. Никто в Афинах не считал рабов людьми. А Гефест говорит: «У человека украли свободу». . . И он вообще не такой, как другие.

* * *

— Спи, молодой хозяин, — сказал Гефест, — уже поздно.

— Ты — хороший, — неожиданно пробормотал мальчик, — я скажу это отцу!

— Спасибо, — улыбнулся педагог. Несмело проведя рукой по светлым кудрям Лина, он задул светильник и быстро вышел из палатки. Лин закрыл глаза.

«Гефест — человек, у которого украли свободу!» — вдруг подумал он. Но ведь так никто не думает и не говорит! Что за странные мысли приходят ему в голову?

Сон медленно обволакивал мальчика своими мягкими волнами, а сквозь них уже чуть слышно доносилось:

— Тенелла!

— Слава тебе, могучий Геракл, победитель на Играх!

— Тенелла!

[1] Теперь город Керчь.

Глава XI
ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

— Ну, Лин, понравились тебе мальчики?

— Какие же это мальчики, Каллий? Ведь не было ни одного моложе семнадцати лет...

— Но не было ни одного и старше двадцати, правда?

— Да-а...— нехотя ответил Лин. Он прекрасно понимал, что хочет сказать Каллий, что он, Лин, не будет к семнадцати годам таким, как участники вчерашних соревнований, если не станет больше времени уделять спорту.

Третий день Олимпийских игр посвящался соревнованию самых молодых юношей. Хотя они выполняли всё то же самое, что их более взрослые товарищи, правила для них были помягче,— вдвое укорачивалась дистанция бега, меньшее расстояние назначалось прыгунам в скамме, да и судьи не были так требовательны. Но конечно, Лин и подумать не мог о том, чтобы выполнить даже эти, уменьшенные, нормы, и ему не слишком приятно было сознавать это.

— Я не собираюсь читать тебе нравоучений,— сказал Каллий, ласково обнимая мальчика за плечи,— но ты и сам понимаешь, что огорчаешь нас...

— Я давно всё понял, Каллий, и буду теперь заниматься больше, обещаю тебе!

— Ну, вот и хорошо. А отчего это ты сегодня такой задумчивый?

— Я... я думаю о Гефесте.

— О Гефесте? — изумлённо поднял брови Каллий. — А что ты о нём думаешь?

— Он ведь хороший, правда?

— Да,— равнодушно ответил Каллий. — Гефест старательный и послушный раб.

— А тебе не жалко, что он раб.

— Что за странные мысли приходят тебе в голову, братишка? Почему мне может быть жалко?

— Да ведь он человек и тоже был раньше свободным.

— Человек? Раб не человек, он существует только для того, чтобы работать и выполнять приказания хозяина. Многие из рабов были раньше свободными, но всё-таки они ведь варвары, а не эллины, как мы с тобой...

— А ты знаешь, что Гефест спас

меня от бешеного быка? С тех пор он хромает.

— Я не слышал об этом...

— Да... никто ничего не говорил отцу, боясь его гнева за недосмотр.

— Это достойный поступок! Гефеста следует наградить!

— Я думаю, может быть, отец согласится...

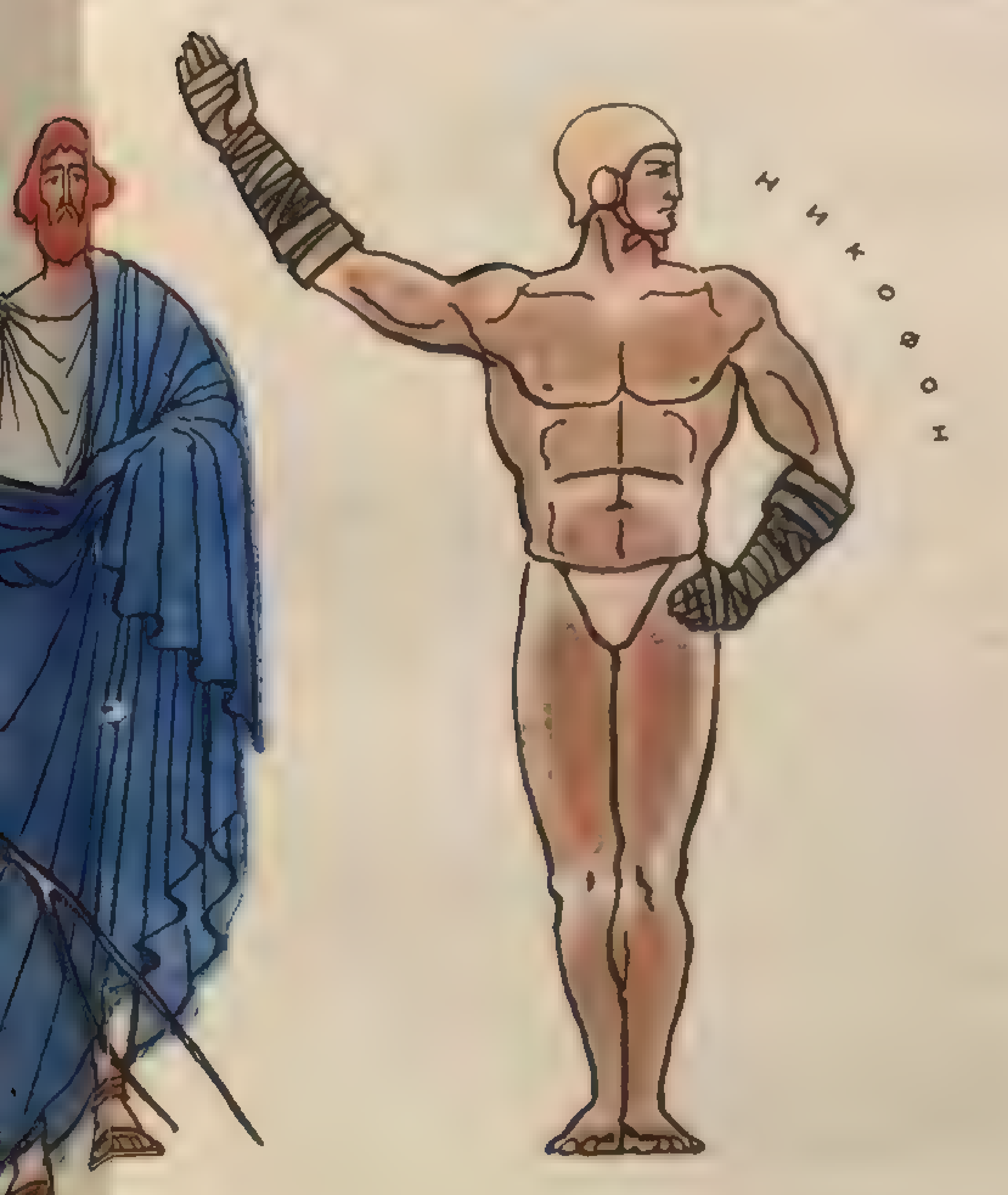
— Что?

— Отпустить его...

— Дать ему вольную? — задумался Каллий. — Что ж, пожалуй, я поговорю с отцом. Можно даже купить ему мастерскую, гончарную, например. Пусть люди знают, что в доме Арифрона умеют вознаграждать верность!

— Спасибо, Каллий, спасибо! — горячо воскликнул Лин.

— Как тебя это волнует! — засмеялся Каллий. — Ты странный мальчик, братишка. Но пока ничего не говори Гефесту. Я не знаю ещё, согласится ли отец. Он дорого заплатил за Гефеста.

— Если ты попросишь, согласится. Ведь ты прославил его имя...

— Посмотрим...

— Эй, Каллий, Лин, сберегли ли вы места для нас? — кричали Ликон, Датон и Теллеас, пробираясь сквозь толпу на трибуне.

— Идите, идите, лентяи, — ответил Каллий, — долго же вы сегодня спали! Ведь вы пропустили и двойной бег, и шестерной!

— Но зато успели к самому интересному, к кулачному бою! — возразил Теллеас, дружески трепля Лина по затылку и садясь около него. — Ты, конечно, знаешь, что кулачный бой — самый древний вид спорта?

— Знаю... Аполлон дрался с богом войны, Аресом, и победил его давным-давно. Ещё когда не было людей!

— Верно!

— Идут, идут! — закричали со всех сторон зрители.

На арене появились бойцы. Они медленно подходили к распорядителям, чтобы тянуть жребий.

— В первой паре Евридам против Никофона! — прокричал глашатай.

— Ой, как они странно одеты! — удивился Лин.

— Ну, ты ведь видел только тренировки мальчиков в палестре, — улыбнулся Ликон, — там нет серьёзной опасности. А здесь необходимы предосторожности!

— Что у них на головах?

— Бронзовые колпаки для защиты. А на случай, если сильный удар придётся по уху, надевают специальные повязки. Никому ведь не хочется оглохнуть, правда?

— Посмотри на их руки, — вмешался Датон, — они обвязаны кожаными

ремнями до локтей и свободны только пальцы. Хотя эти ремни и называются «мягкими», однако они усиливают удар. . .

— По правилам Олимпийских игр не разрешается прикреплять к ремням свинцовые пластинки? — спросил Теллеас.

— Нет, — поморщился Каллий, — это считается слишком грубым. . . Но вот первая пара начинает!

Однако бойцы не спешили. Как и борцы, они выжидали, стоя друг против друга.

Никто в те далёкие времена не догадался бы, каким станет кулачный бой через две с половиной тысячи лет, когда он будет называться боксом. Даже во сне не мог присниться древнему греку ограниченный верёвками ринг или раунды, устанавливающие срок времени для каждой схватки. Бой вёлся на довольно широкой площадке, развивался в очень медленном темпе и носил осторожный, оборонительный характер. Бойцы подолгу выжидали, стараясь поставить противника против солнца или улучить момент, когда противник ослабит защиту.

Стадион долго и терпеливо ждал, а бойцы всё примеривались, медленно кружась и напряжённо следя друг за другом. Внезапно один из них выбросил вперёд руку и, ударив противника в голову, ловко увернулся от ответного удара.

Теперь нападения следовали одно за другим. Силы противников казались равными, и невозможно было предсказать исход боя.

— Какие удары! — восхитился Телеас.

— Да, Никофон славится своим ударом. Знаешь ли ты, что он разбивает кулаком не только дерево, но и камень? — спросил Каллий.

— Я слышал об этом. Но ведь и другие не менее сильны.

— Никофон много раз побеждал не потому, что он самый сильный. Он хладнокровнее своих противников и, кроме того, умеет очень ловко увёртываться. А ведь особенно высоко ценится такой боец, который сумеет победить, не получив ни одного серьёзного повреждения.

— Ну, что до хладнокровия, то, пожалуй, в этом Евридам посильнее Никофона... Помнишь историю с зубами?

— Как же! — засмеялся Каллий. — Расскажи-ка Лину!

— Знаешь, мальчик, однажды Евридаму раздробили все зубы. И он проглотил их, чтобы противник не заметил силы нанесённого удара. Тот решил, что плохо рассчитал, и растерялся. А Евридам воспользовался этой растерянностью и выиграл бой!

— И остался без зубов?

— Конечно! Что такое зубы для кулачного бойца? Мелочь... Иногда они уродуют друг друга до неузнаваемости.

— Правила! Правила! — закричал вдруг судья, который всё время стоял около бойцов, и угрожающе взмахнул своей длинной рогатиной.

— Неверный удар! Он нарушил правила!

— Нельзя бить по телу!

— Стыдись, Евридам!

Стадион бушевал. Все хорошо знали, что бить можно только в голову. Лишь неопытный боец мог нанести удар в грудь, плечо или бедро. Евридам не был особенно виноват, — увёртываясь, Никофон сам подставил плечо, но зрители выходили из себя, грозно размахивали кулаками и осыпали Евридама насмешками.

Хотя Евридам славился своим хладнокровием, сейчас он всё-таки растерялся и, неловко оступившись, упал.

— Бей его, Никофон, бей!

— Ударь крепче! — неистовствовали зрители.

Бить лежачего правилами не запрещалось, если он не признавал себя побеждённым и продолжал сопротивляться. Поэтому Никофон, не колеблясь, нанёс поверженному врагу такой страшный удар, что тот на мгновение потерял сознание.

Опомнившись, Евридам с трудом поднял руку в знак того, что сдаётся, и глашатай тотчас провозгласил имя Никофона, победившего противника. А к Евридаму бросились друзья. Они окружили его, подняли и повели. Побеждённый боец не шёл, а тащился, голова его бессильно запрокинулась набок, ноги волочились по песку, а изо рта лилась кровь. Почти совершенно бесчувственного, его посадили в стороне, обмыли вином окровавленное лицо и дали напиться.

Пара за парой выходили на арену бойцы. Трещали челюсти, грозно вздымались в молниеносных ударах могучие кулаки. Уносили и уводили побеждённых, снова разбивались по парам и боролись между собой победители, пока не остался на поле один боец — тот, который оказался самым сильным и ловким. Это был Никофон.

Нового олимпионика осыпали цветами и похвалами, приветствовали восторженными криками и увенчали лаврами. Судьбой же побеждённых не интересовался никто. Живые или мёртвые, они перестали существовать для болельщиков. А равнодушное солнце быстро бежало по небу и уже успело совершить половину своего пути, когда соревнования кулачных бойцов наконец закончились.

— Теперь — панкратий! — сказал Теллеас.

Панкратий, представлявший собой комбинацию кулачного боя и борьбы, считался самым трудным из гимнастических упражнений. Противники, совершенно обнажённые, без всякого оружия, могли рассчитывать только на гибкость тела и силу мускулов. Применять грубые приёмы запрещалось, и вообще правила панкратия были особенно строгими. Но хотя панкратий

считался не таким опасным, как кулачный бой, панкратисты тоже часто уродовали друг друга до неузнаваемости.

Восторженный рёв зрителей приветствовал появление атлетов. Почти все высокие, с мощно развитой мускулатурой, с телами, покрытыми тёмным, бронзовым загаром и блестящими от масла, они действительно были очень красивы.

— Сострат! Сострат! Слава храброму Сострату! — кричала часть зрителей.

— Стратофон! Ловкий и сильный Стратофон! — отвечали другие.

Судьи с рогатинами уже заняли свои места рядом с бойцами. Вид у них был очень угрожающий, а глаза пристально следили за каждым движением противника, чтобы не допустить нарушения правил.

— У панкратистов те же правила, что и в кулачном бою? — спросил Лин, с любопытством разглядывая атлетов.

— Нет, — ответил Каллий, — им разрешено гораздо больше. Они имеют право выворачивать руки, ломать пальцы, бить ногой, толкать. Ударять можно и кулаком и раскрытой кистью.

— А что запрещается?

— Не очень многое. Нельзя кусать противника и всовывать пальцы в глаза или в рот.

— Придуши его! Придуши! — кричали зрители Сострату, схватившему Стратофона за горло.

— Придушивать можно, только не до смерти, — пояснил брату Каллий. — Если это сделать ловко, противник слабеет!

Однако Сострат, отпустив горло Стратофона, внезапно схватил его за ногу, поднял на воздух и бросил на землю.

— Хорошо, Сострат, хорошо! — кричали зрители в восторге, потому что этот приём требовал очень большой силы и ловкости. Но Стратофон, молниеносно вскочив, схватил противника за плечи, упёрся ногой ему в живот и бросился снова на землю спиной вниз, увлекая за собой Сострата. От резкого толчка тот тяжело свалился в неудачной позе.

— Лежачий панкратий! — в восторге, больно ударив Лина по плечу, завопил Теллеас. Восторг его разделяли и другие зрители, — предстояла самая интересная часть поединка.

Панкратий действительно разделялся на стоячий и лежачий. В первом противники стремились только свалить друг друга, но окончательно борьба решалась в лежачем панкратии.

Сострат и Стратофон яростно катались в клубах пыли по земле, выворачивая друг другу руки и ноги. Каждый

ПАНКРАТИЙ

«ПАНКРАТИЙ ТРЕБУЕТ
СИЛЫ ЛЬВА
И ХИТРОСТИ ЛИСИЦЫ...»
(ПИНДАР-ПОЭТ)

СУДЬЯ НАКАЗЫВАЕТ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ

старался ударить другого головой о песок, но борьба долго шла с переменным успехом. Наконец Сострат завладел руками Стратофона и, ловко увёртываясь от ударов, которые тот пытался наносить ему ногами, начал безжалостно ломать пальцы противника.

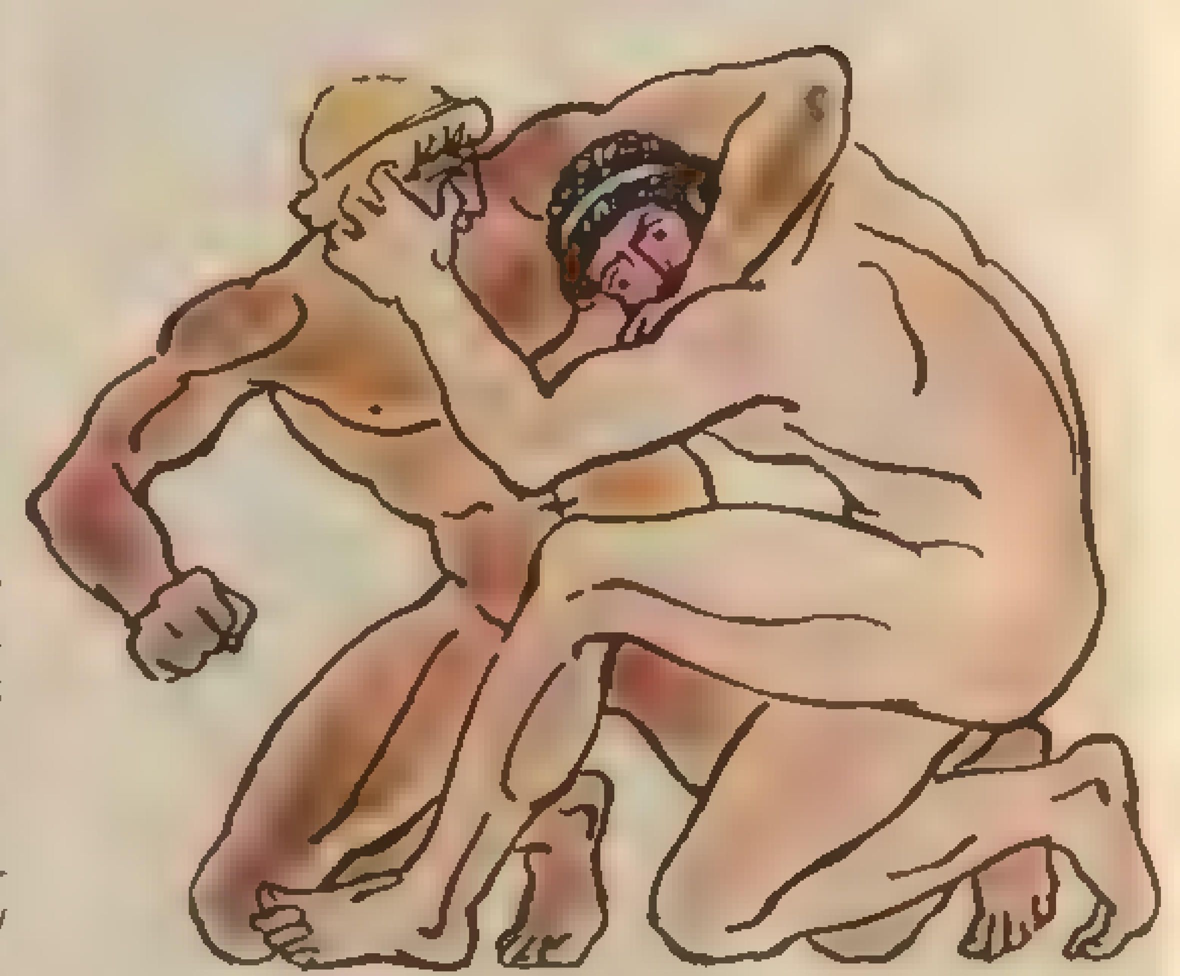
— Сострат Акрохерсит[1], Сострат Акрохерсит! — неслось со всех концов стадиона.

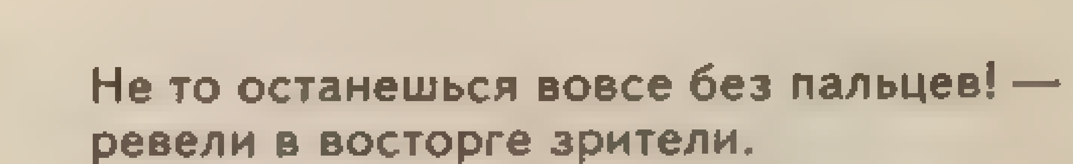
— Ох! — зажмурился Лин. Зрелище казалось ему ужасным. Пальцы ломались со зловещим хрустом, но так как этот приём не был запрещён, судья с рогатиной не вмешивался.

— Сдавайся! Сдавайся, Стратофон!

[1] Акрохерсит — «хватающий за концы рук» — прозвище, данное знаменитому панкратисту

Не то останешься вовсе без пальцев! — ревели в восторге зрители.

Наконец Стратофон не выдержал. Закусив губу от страшной боли, он кивнул головой в знак того, что признаёт себя побеждённым...

Соревнования панкратистов продолжались, пока солнце не начало уже клониться к западу. А когда последняя пара покинула арену и тот же Сострат Акрохерсит завоевал звание олимпионика, когда стихли вопли болельщиков и воцарилась тишина, на стадион неторопливым шагом вышли гоплиты[1].

Бег в полном вооружении был заключительным зрелищем на Олимпийских играх. Воины в металлических

[1] Гоплит — тяжеловооружённый воин.

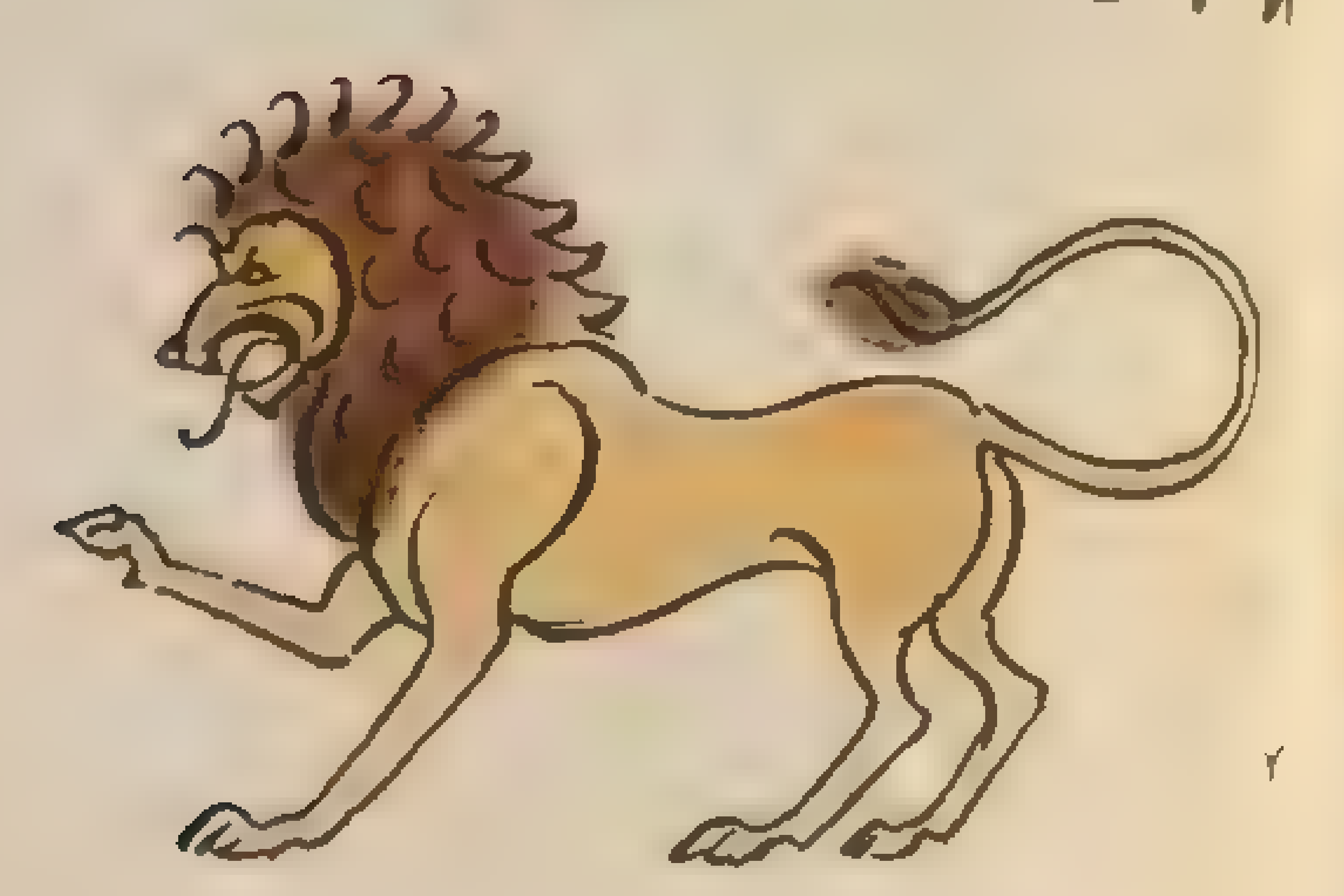

П А Н К Р

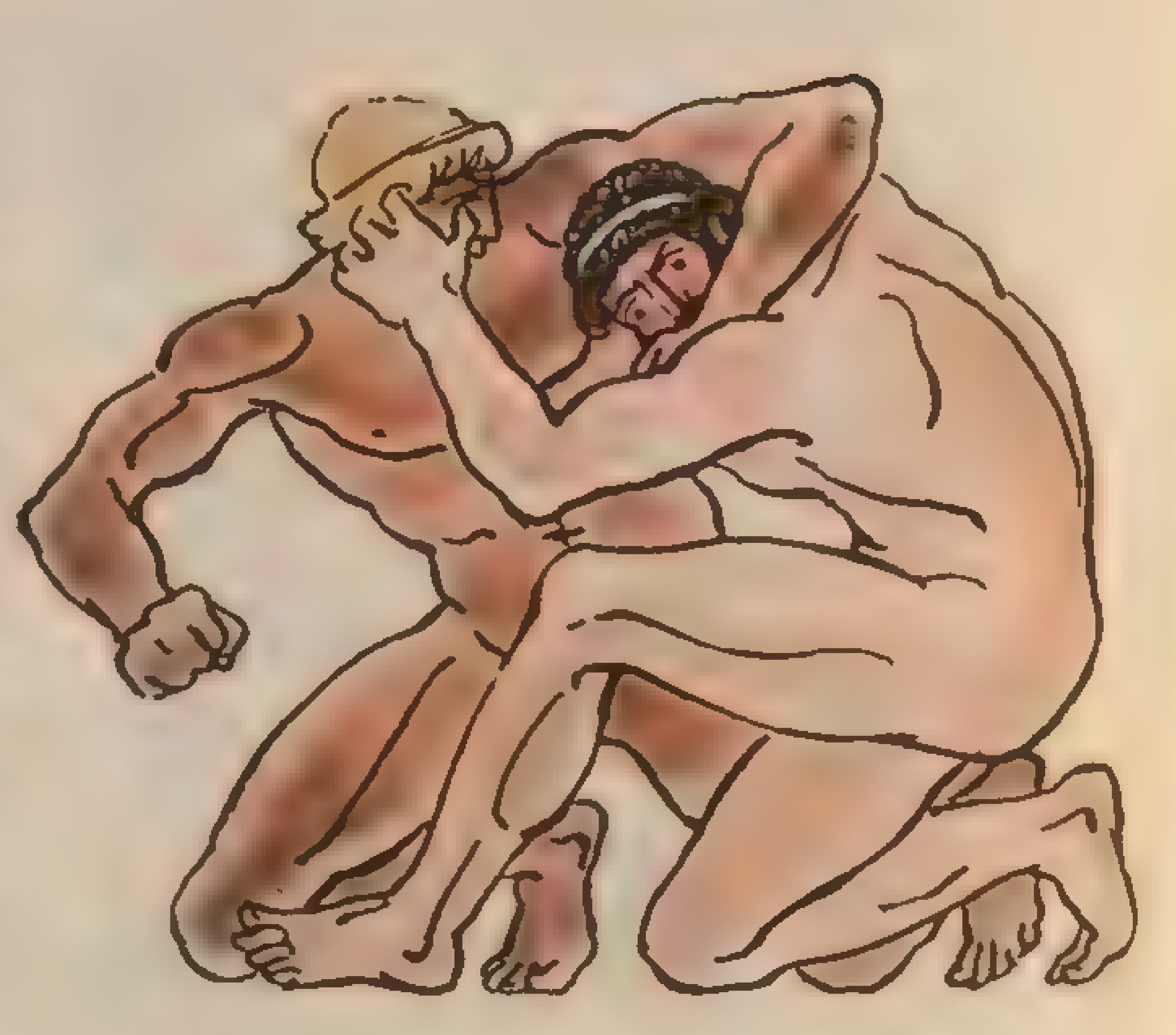
«П А Н К Р А Т И

С И Л Ы

И Х И Т Р О С Т И

С У Д Ь Я Н А К А З Ы В А Е Т

старался ударить другого головой о песок, но борьба долго шла с переменным успехом. Наконец Сострат завладел руками Стратофона и, ловко увёртываясь от ударов, которые тот пытался наносить ему ногами, начал безжалостно ломать пальцы противника.

— Сострат Акрохерсит[1], Сострат Акрохерсит! — неслось со всех концов стадиона.

— Ох! — зажмурился Лин. Зрелище казалось ему ужасным. Пальцы ломались со зловещим хрустом, но так как этот приём не был запрещён, судья с рогатиной не вмешивался.

— Сдавайся! Сдавайся, Стратофон!

[1] Акрохерсит — «хватающий за концы рук» — прозвище, данное, знаменитому панкратисту.

Не то останешься вовсе без пальцев! — ревели в восторге зрители.

Наконец Стратофон не выдержал. Закусив губу от страшной боли, он кивнул головой в знак того, что признаёт себя побеждённым...

Соревнования панкратистов продолжались, пока солнце не начало уже клониться к западу. А когда последняя пара покинула арену и тот же Сострат Акрохерсит завоевал звание олимпионика, когда стихли вопли болельщиков и воцарилась тишина, на стадион неторопливым шагом вышли гоплиты [1].

Бег в полном вооружении был заключительным зрелищем на Олимпийских играх. Воины в металлических

[1] Гоплит — тяжеловооружённый воин.

БЕГ В ВООРУЖЕНИИ

шлемах и наколенниках, с тяжёлым щитом в руках должны были пробежать две стадии[1].

— Вот она — надежда и защита Эллады! — серьёзно сказал Каллий Лину, указывая на гоплитов. — Они непобедимы! Никто ещё не мог устоять против их непреодолимой атаки. Когда-нибудь и ты, как гражданин Афин, встанешь в их ряды. Но к этому надо готовиться, мой мальчик. Долго готовиться, с детства. Лишь тогда станет твоё тело гибким и крепким и в тебе разовьются храбрость и сила, нужные, чтобы быть деятельным слугой отечества в мире и на войне... Ты сделаешь это?

[1] 366 метров.

— Да, Каллий, клянусь тебе, — так же серьёзно ответил Лин.

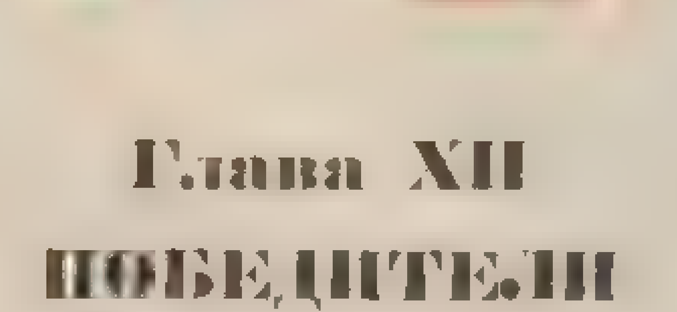
Бег гоплитов продолжался недолго.

В розовых сумерках заката шеренга воинов в покрытых пылью доспехах покидала стадион, приветствуя поднятой рукой вставших со своих мест зрителей.

— Слава нашим гоплитам! Слава! — неслись крики.

Несколько человек, подняв на руки старика, трое сыновей которого участвовали в беге, с триумфом понесли его вслед за уходящими воинами, и последние, уже увядшие за длинный, жаркий день цветы и венки со всех сторон летели к их ногам...

Олимпийские игры закончились.

Глава XII
ПОБЕДИТЕЛИ

Снова звучат песни. Снова пёстрые толпы наполняют тенистые аллеи Альтиса. Нет никого на раскалённых зноем трибунах стадиона, опустел ипподром. Сегодня — праздник, только праздник. Кончились волнения, нет больше неизвестности, никому не грозит разочарование. Эллада чествует новых олимпиоников!

— Скорее, Гефест, скорее! Дай мне самую красивую хламиду и красные сандалии с серебром!

— Конечно, конечно, молодой хозяин! — Гефест аккуратно переплёл на ногах мальчика ремни от нарядных красных сандалий.

Лин и друзья Каллия успели занять удобные места недалеко от дома, в котором жили главные распорядители Олимпийских игр — элленодики. Отсюда они могли увидеть самое начало торжественной процессии.

— Идут, идут! — раздались крики.

Медленно, величаво из дома вышли элленодики — десять почтенных мужей, одетых в длинные белые гиматии. Они шли попарно, ни на кого не глядя. Вслед за элленодиками появились

шлемах и наколенниках, с тяжёлым щитом в руках должны были пробежать две стадии[1].

— Вот она — надежда и защита Эллады! — серьёзно сказал Каллий Лину, указывая на гоплитов. — Они непобедимы! Никто ещё не мог устоять против их непреодолимой атаки. Когда-нибудь и ты, как гражданин Афин, встанешь в их ряды. Но к этому надо готовиться, мой мальчик. Долго готовиться, с детства. Лишь тогда станет твоё тело гибким и крепким и в тебе разовьются храбрость и сила, нужные, чтобы быть деятельным слугой отечества в мире и на войне... Ты сделаешь это?

[1] 366 метров.

— Да, Каллий, клянусь тебе, — так же серьёзно ответил Лин.

Бег гоплитов продолжался недолго.

В розовых сумерках заката шеренга воинов в покрытых пылью доспехах покидала стадион, приветствуя поднятой рукой вставших со своих мест зрителей.

— Слава нашим гоплитам! Слава! — неслись крики.

Несколько человек, подняв на руки старика, трое сыновей которого участвовали в беге, с триумфом понесли его вслед за уходящими воинами, и последние, уже увядшие за длинный, жаркий день цветы и венки со всех сторон летели к их ногам...

Олимпийские игры закончились.

о р у ж е н и и

Глава XII
ПОБЕДИТЕЛИ

Снова звучат песни. Снова пёстрые толпы наполняют тенистые аллеи Альтиса. Нет никого на раскалённых зноем трибунах стадиона, опустел ипподром. Сегодня — праздник, только праздник. Кончились волнения, нет больше неизвестности, никому не грозит разочарование. Эллада чествует новых олимпиоников!

— Скорее, Гефест, скорее! Дай мне самую красивую хламиду и красные сандалии с серебром!

— Конечно, конечно, молодой хозяин! — Гефест аккуратно переплёл на ногах мальчика ремни от нарядных красных сандалий.

Лин и друзья Каллия успели занять удобные места недалеко от дома, в котором жили главные распорядители Олимпийских игр — элленодики. Отсюда они могли увидеть самое начало торжественной процессии.

— Идут, идут! — раздались крики.

Медленно, величаво из дома вышли элленодики — десять почтенных мужей, одетых в длинные белые гиматии. Они шли попарно, ни на кого не глядя. Вслед за элленодиками появились

олимпионики, и взрыв восторженных приветствий огласил воздух.

— Слава непревзойдённому Фаиллу!

— Будь счастлив, прекрасный Каллий!

— Привет могучему Никофону!

— Нет равных Алкимедонту из Эгины!

— Сострат Акрохерсит! Сострат Акрохерсит! — ревела толпа охваченных энтузиазмом зрителей.

Под звуки флейт процессия медленно двигалась вперёд. Вслед за олимпиониками, которых сопровождали жрецы и представители власти, появились увенчанные цветами лошади — победители ипподрома. Зазвучали торжественные песни, и вся толпа подхватила их могучим тысячеголосым хором.

Пропустив процессию вперёд, друзья Каллия и Лин пошли вслед за ней вместе со всеми.

В лучах утреннего солнца шествие переливалось всеми цветами радуги. Разноцветные хитоны олимпиоников, тёмная зелень пальмовых ветвей, строгие белые одежды элленодиков, блестящие украшения лошадей, отделанные серебром флейты и цветы — яркие, душистые. Они летели под ноги процессии, падали на плечи и головы юношей, на спины лошадей. Конюхи с трудом удерживали туго натянутые поводья. К общему шуму примешивалось ржание испуганных животных.

У алтаря двенадцати богов шествие остановилось. Элленодики выстроились полукругом возле ступеней, а олимпионики по одному стали подходить к алтарю и приносить благодарственные жертвы.

Процессия двинулась дальше к Пританею — резиденции гражданских властей. Здесь жрецы и должностные лица Олимпии устроили торжественное официальное пиршество.

Этим пиршеством заканчивалась официальная часть празднества.

— Вот и всё, — погрустнев, сказал Лин, — теперь мы поедем домой, да?

— Нет, мальчик, не сразу, — ответил Теллеас, — ещё несколько дней будут звучать песни и продолжаться веселье.

— Почему?

— Потому что новые олимпионики всегда устраивают пиры для родственников, друзей и земляков.

— А потом, когда и они уедут, кто останется в Олимпии?

— Только жрецы и служители храмов.

— Разве в Олимпии никто не живёт?

— Нет, Лин. На четыре года, до новой Олимпиады, тихими и безмолвными станут стадион, ипподром, гимнасий и аллеи Альтиса. Олимпия словно погрузится в долгий-долгий сон... Однако, смотри, вот и твой Гефест!

— Мы останемся здесь до отъезда Каллия, правда, Гефест? — спросил Лин.

— Нет, молодой хозяин. Твой отец приказал нам возвращаться домой немедленно. Всё уже готово.

— Ну, счастливый путь тебе, Лин, — обнял мальчика Датон, — не грусти. Скоро-скоро ты увидишь торжество своего брата в родных Афинах!

— Я не сяду, — решительно сказал Лин, — пойду опять пешком. Догоняйте меня!

И мальчик, круто повернувшись, быстро направился в сторону выезда из Олимпии. Повозки, тарахтя, тронулись за ним.

Выйдя на дорогу, Лин остановился. В последний раз он окинул взглядом тёмную зелень аллей Альтиса, блеск мраморных колонн храма Зевса и пёструю толпу, с шумом и смехом валившую из ворот...

Глава XIII
ТРИУМФ КАЛЛИЯ

«Сегодня! Сегодня!» — пели весёлые голоса в сердце Лина. Он стоял у фонтана и смотрел, как Геро с Ариадной и несколькими молодыми рабынями срезали цветы для украшения дома. Из-за стены сада доносились песни, смех и музыка. Афины готовились к встрече своего героя — олимпионика Каллия, сына Арифрона.

Ещё рано утром Арифрон в сопровождении множества родственников и друзей выехал навстречу сыну, чтобы торжественно вступить в город вместе с ним, но Лина он решил оставить дома, с женщинами.

— И ты выйдешь встречать Каллия? — с завистью спросила Геро.

— Конечно. Отец разрешил мне пойти с Гефестом к городским воротам. Гефест пошёл уже узнать, когда ждут их прибытия.

— Счастливец!

Из дома вышла Эригона.

— Ступай одевайся, Лин, — сказала она, — пришёл Гефест и говорит, что пора.

— Ура! Идём к воротам! Идём к воротам! — закричал Лин и от восторга, забыв всякую солидность, запрыгал на одной ноге.

— Слава богам, ты ещё не совсем взрослый, — улыбнулась Эригона. — А я уж стала бояться, что ты вдруг вырос. Ты вернулся из Олимпии таким серьёзным...

— Ведь я уже всё-таки не совсем мальчик, мама, — тихо сказал он, — через четыре года мне минет семнадцать. А семнадцатилетние выступают на Играх. И некоторые были почти такого же роста, как я...

— Да, ты растёшь, мой мальчик, — задумчиво ответила мать. — Скоро у меня будет два взрослых сына... Ну, ступай! Обними за нас Каллия и скажи, что мы будем ждать его, как бы поздно он ни вернулся!

Лин и Гефест быстро шли по праздничным улицам среди весёлой, нарядной толпы. За несколько кварталов от городских ворот Гефест вдруг повернул налево.

— Куда ты? — изумился Лин. Однако, оглянувшись, он увидел, что все идут в том же направлении.

— Разве они приедут через другие ворота? — спросил мальчик.

— Да, — загадочно улыбнулся Гефест.

— Через какие же?

— А вот увидишь!

В общем шуме Лин вдруг явственно услышал громкий стук. Звонкие удары железа по камню сопровождались радостными возгласами.

— Что это за стук, Гефест?

— Неужели ты не знаешь, где будут встречать Каллия?

— Я думал — у ворот.

— Нет. Слышишь, специально для него ломают стену!

— Ломают стену? — удивился Лин.

— Ну да... Это в знак особого почёта, чтобы Каллий въехал не в те ворота, которые всегда и для всех открыты, а через особый, новый проход!

«Вот это да!» — подумал Лин. Он не знал об этом обычае.

От гордости за брата щёки мальчика залились ярким румянцем.

— А дырка в стене так и останется? — спросил он.

Ему ответил пожилой человек, который шёл с двумя сыновьями.

— Нет, о сын счастливого Арифрона! Пролом заделают сегодня же. Это обозначает, что Олимпийская победа вошла в город и никогда больше не покинет его!

Стук затих. Каменщики уже закончили работу и теперь торопливо убирали мусор, чтобы расчистить путь.

Лин обернулся. Боги, сколько народу! Весь город собрался здесь сегодня. Люди всё прибывали и прибывали. Они стояли плотными стенами вдоль расчищенной полосы, на которую не вступал никто.

— Едут! Едут! — закричали вездесущие мальчишки.

Вдали появилось облачко пыли. Оно всё увеличивалось, приближалось, и наконец, Лин увидел длинный кортеж. Впереди всех на колеснице, запряжённой четвёркой лошадей, стоял одетый в пурпур, увенчанный лаврами Каллий, и его светлые волосы разлетались от ветра. Под гром приветствий кортеж свернул с дороги к пролому, и колёса колесницы Каллия мягко покатились по толстому слою цветов, летевших со всех сторон под ноги лошадей. Вслед за первой колесницей въехали и остальные. Лин увидел сияющего отца, дядей, двоюродных братьев, Ликона, Датона, Теллеаса и других родных и знакомых.

— Привет! Привет!

— Радуйся! Хайре! Хайре!

— Слава прекрасному Каллию! — гремела толпа.

— Здравствуй, Каллий! — закричал и Лин, вовсе не надеясь, что брат его услышит. Но внезапно, поравнявшись с мальчиком, Каллий быстрым движением наклонился, схватил его и, обняв за плечи, поставил рядом с собой. Крики ещё усилились. Всем понравилось, что герой не забыл своего братишку. . .

— Каллий готовит себе достойную смену!

— Пусть мальчик не отстанет от тебя!

— Мы ещё будем встречать и его! — неслось из толпы.

Кто-то сунул в руки Лина сноп роз. Оглушённый, немного испуганный, но бесконечно счастливый, стоял Лин на медленно катящейся колеснице.

Шумной толпой проводили сограждане триумфатора к храму Зевса, где Каллий, передав Лина подоспевшему Гефесту, сошёл с колесницы. Медленно и торжественно он вошёл в храм, чтобы посвятить богу свой олимпийский венок и принести благодарственную жертву. А на площади перед храмом хор юношей стройно запел хвалебную песню, специально сочинённую знаменитым поэтом по заказу друзей и близких победителя.

После церемонии вся процессия направилась к зданию городского совета, где в честь победителя афинские власти устраивали за счёт города грандиозный пир. Все граждане Афин должны были принять в нём участие!

Прежде чем войти вслед за Каллием, Арифрон задержался и знаком подозвал к себе стоявших невдалеке Лина и Гефеста.

— Ступайте домой, — сказал он, — на сегодня с мальчика достаточно.

Медленно-медленно тянулись часы в этот день в доме Арифрона. Уже по нескольку раз успел Лин ответить на все вопросы матери, маленькой Ариадны и ставшей необычайно почтительной Геро, уже начали блёкнуть рассыпанные по всем комнатам цветы, когда издали послышалось звучное пение. К дому подошли юноши, которые пели перед храмом Зевса в честь Каллия.

Они выстроились у ворот, и песня зазвучала ещё громче.

Затем из переулка вышла целая толпа людей. Весь город провожал олимпионика домой. Долго ещё Каллий стоял у ворот, отвечая на бесконечные приветствия, пока в конце концов все не разошлись. В дом вошли родственники и самые близкие друзья. Но хор на улице продолжал петь до глубокой ночи.

Каллий стремительно подошёл к побледневшей от волнения матери и поздоровался с ней.

— Здравствуй, жена! — сказал Арифрон. — Я благодарю тебя за достойного сына, которого ты подарила мне. Радуйся же и знай, что одна статуя Каллия будет поставлена на городской площади, другую воздвигнут в Олимпии! А теперь, друзья, прошу почтить мой дом и поднять чаши в честь нашей общей радости!

Рабы быстро сняли с гостей сандалии, вымыли и надушили их ноги, и мужчины прошли в столовый покой.

Никто не смотрел в сторону клепсидры — водяных часов, из резервуара которых медленно вытекала, измеряя время, вода, а солнечные часы в саду давно уже скрылись в наступившей темноте. Спали женщины в гинекее, спали не занятые на пиру рабы, спал усталый и счастливый Лин. Только Гефест, сидя у постели своего питомца и слушая прощальную песню юношей на улице, с тоской глядел куда-то вдаль узкими чёрными глазами.

Глава XIV
СНОВА СВОБОДЕН!

На следующий день Лин, как и всегда, ушёл в школу. Хотя он был братом олимпионика, Гиперид задал бы ему хорошую трёпку за неявку. Ведь ученики получили отпуск только на один день.

После занятий, собираясь, по обыкновению, в палестру, Лин изумлённо посмотрел на пришедшего за ним Гефеста.

— Где мой стригил? И почему ты не принёс ни копья, ни диска!

— Потому что молодой хозяин не пойдёт сегодня в палестру.

— Не пойду в палестру? Вот новости! С чего это ты взял?

— Отец приказал тебе сразу вернуться домой.

За обедом Арифрон ничего не сказал сыну, а тот не посмел спрашивать. Разве может мальчик первым обратиться к старшему?

— Останься Эригона, — сказал Арифрон, когда жена и дочери собирались, по обыкновению, уйти к себе.

Лин взглянул на мать. Она нисколько не удивилась, только лёгкая улыбка скользнула по её красивому лицу.

— И ты останься, Лин. Пусть придёт сюда также Гефест и все другие рабы, — продолжал Арифрон.

Скоро у входа в столовый покой собрались все, жившие в доме Арифрона: старуха ключница, повар со своими помощниками, молодые рабыни, виночерпий, агорасты — рабы, которые сопровождают хозяина на рынок и носят покупки, водонос и даже толстый привратник. Они не знали, зачем их позвали в дом, и поэтому с удивлением и

страхом всматривались в лица хозяев. Только Гефест стоял, опустив, как всегда, глаза вниз.

— Мне стало известно, — начал Арифрон, — что два года назад мой младший сын едва не погиб при нападении бешеного быка.

— Узнал! Узнал! — в ужасе зашептали рабы. Некоторые, закрыв лицо руками, опустились на колени, женщины заплакали. Что сделает в гневе всемогущий хозяин? Прикажет бить плетьми? Сошлёт на рудники, откуда ещё никто не возвращался живым? Никогда больше не видел дневного света раб, сосланный на каторжный труд в тесных, тёмных подземных коридорах, где он мог передвигаться лишь ползком, подобно земляному червю. Выносили из шахт только мёртвых...

Плач и стоны наполнили комнату. Гефест с недоумением взглянул на своего питомца. Почему вдруг теперь он решил рассказать об этой старой истории?

— Успокойтесь! — махнул величественно рукой Арифрон. — Я не буду никого наказывать на этот раз. В доме олимпионика должна сегодня царить только радость. Кроме того, молодой хозяин Каллий желает уплатить наш долг. Подойди сюда, Гефест.

Вздрогнув от неожиданности, педагог нерешительно сделал несколько шагов вперёд.

— Ты действительно спас моего сына от смерти? — спросил Арифрон.

— Да, господин...

— Так знай же, что твой поступок не останется без достойной награды. Завтра глашатаи объявят у здания суда, у театра и у алтарей города, что Арифрон отпускает на волю своего раба Гефеста!

Педагог пошатнулся. Он с трудом перевёл дыхание и, прижав руки к груди, в упор смотрел на хозяина.

— Что же ты молчишь, Гефест? Или не рад? — спросил Арифрон.

— Не рад? — стоном вырвалось из груди педагога. Слёзы выступили на его глазах, и, опустившись на колени, он коснулся лбом ног хозяина.

— Ну-ну! — милостиво потрепал его бритую голову Арифрон. — Ты всегда был хорошим рабом. А свободу я даю тебе по желанию нашего героя — Каллия... Так что благодари его!

— О нет, Гефест, — улыбаясь, возразил Каллий, прежде чем педагог успел что-либо сказать, — я был только исполнителем. Вот кто просил дать тебе свободу! — И юноша указал на бледного, взволнованного Лина.

— О молодой хозяин... молодой хозяин... — шептал Гефест. Слёзы катились по его лицу, на котором никто до этого дня не видал ни малейшего волнения. Слёзы невольно выступили и на глазах Лина.

— Я рад за тебя Гефест, — с трудом произнёс мальчик, — теперь ты опять свободный человек...

— Ну, а теперь хватит, — вмешался Арифрон. — Можете все идти.

Когда потрясённый Гефест и все остальные рабы ушли, Арифрон повернулся к младшему сыну.

— Что за нелепое поведение! — недовольно сказал он. — Как можешь ты плакать из-за раба?

— У него доброе сердце, муж мой, — заступилась за мальчика Эригона.

— Сердце тут совершенно ни при чём. Я даровал рабу свободу за доблестный поступок и верную службу, хотя и заплатил за него большие деньги. Никто не посмеет сказать, что в доме Арифрона не ценят добродетели. Но чтобы из-за этого мальчик заплакал словно женщина? Неслыханно!

— Прости ему эту ошибку, отец, — вмешался Каллий, — он ещё станет та-

ким, как должно. Ведь ты сам говорил мне, что доволен им, что он теперь ведёт себя, как следует греческому юноше.

— Это правда, — успокаиваясь, сказал Арифрон и улыбнулся своему герою-сыну. — Ступайте теперь все к своим делам. Можешь идти в палестру, Лин. . .

Не поднимая глаз, мальчик вышел. Проводив его взглядом, Каллий тихо заметил:

— Ты не думаешь, отец, что Лину уже не нужно другого педагога?

— Да, он сильно вырос. Пожалуй, достаточно будет, чтобы его сопровождал кто-нибудь из молодых рабов.

Мимо окна торопливо прошёл Лин. За ним, неся копье, диск и стригил, невозмутимо, как всегда, шёл Гефест. . .

* * *

Никто не узнал, о чём говорили Лин и Гефест, когда остались одни, да никого это и не интересовало. Женщины занимались своими делами, Каллий ушёл с друзьями, а Арифрон, в сопровождении агорастов, отправился, как обычно, на рынок. Нужно было купить гораздо больше продуктов, чем всегда, потому что счастливый дом олимпионика привлекал множество гостей. Арифрон решил даже нанять особого, искусного повара, флейтистов и танцовщицу, чтобы развлекать приглашённых на вечернем пиру.

Почти три часа провёл на рынке заботливый хозяин, переходя из ряда в ряд. Он выбрал самых лучших толстых угрей, упитанных кальмаров, крупных устриц, свиную тушу, несколько плетёнок с сыром и множество разнообразных фруктов. Корзины агорастов становились всё тяжелее. Лишь около десяти часов утра хозяин отослал покупки домой, а сам завернул к цирюльнику, в парикмахерскую, где, конечно, встретил многих своих друзей. Такие встречи в парикмахерских, в парфюмерных и других лавках были обычным времяпрепровождением афинян после рынка, потому что здесь они узнавали все новости. Особенно осведомлёнными считались цирюльники, которые знали решительно всё!

От цирюльника Арифрон зашёл в гимнасий, где его, отца олимпионика, встретили бурными приветствиями и расспросами, а оттуда — в бани, чтобы принять ванну перед обедом.

Все эти дела заняли большую часть дня, и, вернувшись, он застал всю семью уже в сборе. После домашнего обеда Арифрон приказал позвать Гефеста.

— Итак, Гефест, — сказал он, — глашатаи уже объявили о твоём освобождении. Теперь остаётся решить, как

устроить твою жизнь. Мой сын считает, что следует купить для тебя мастерскую, и я с ним согласен. Скажи, какую именно ты предпочитаешь?

Гефест стоял, не поднимая глаз. Руки его заметно дрожали, дрогнули и губы, но он продолжал молчать.

— Не бойся, — ласково улыбнулся Каллий, — я заплачу, сколько потребуется. Тебе нужно только выбрать, что тебе больше по вкусу — гончарная мастерская, кузница или что-нибудь другое?

Педагог умоляюще взглянул на Каллия, судорожно прижал руки к груди, но продолжал молчать.

— Может быть, тебе хочется поселиться в деревне и делать масло или вино? — вмешалась Эригона. — Можно построить для тебя давильню в нашем имении...

— Благодарю тебя, прекрасная госпожа, — глухо сказал наконец Гефест, — благодарю и тебя, почтенный Арифрон, и тебя, молодой хозяин Каллий, за вашу доброту и благодеяния, но... мне не нужно ни мастерской, ни кузницы, ни давильни!

— Не понимаю, — удивился Арифрон, — как же ты будешь жить? Или ты хочешь остаться у меня в доме? Что ж, можно и это. Оставайся вольнонаёмным педагогом...

— Нет! Нет! — вскричал Гефест, и глаза его ярко блеснули.

Лин, зная, что сейчас произойдёт, в ужасе прижал руки к губам.

— Будьте великодушны до конца! — продолжал Гефест. — Отпустите меня!

— Отпустить? Куда?

— Домой! К моему племени!

— В скифские степи?

— Да!

На мгновение Арифрон лишился дара слова. Это было неслыханно, — облагодетельствованный раб отвергал все благодеяния и рвался куда-то в неизвестные, дикие места, стремясь навсегда покинуть тех, кому он всем обязан...

— Но... разве ты не знаешь, — наконец сказал он, — что вольноотпущенник обязан платить подать своему бывшему хозяину? Какую же подать сможешь ты вносить, если уедешь неведомо куда?

— Не знаю... я не был там столько лет, неизвестно, кого найду в живых, будет ли у меня что-нибудь. Но я клянусь отправлять тебе с греческими кораблями всё, всё, что смогу!

— Пожалуйста, отец! — не выдержал Лин. Арифрон, вспыхнув, резко обернулся к нему.

— Что я слышу? Так воспитал тебя твой педагог? Как осмелился ты заговорить в присутствии старших? Вон отсюда!

Лин, закрыв лицо руками, опрометью выбежал из комнаты. Каллий, подойдя к разъярённому отцу, мягко опустил руку на его плечо.

— Пусть Гефест пока уйдёт, — сказал он, — и разреши удалиться матери и сёстрам. Нам надо поговорить...

По знаку Арифрона все, кроме Каллия, покинули комнату.

— Какая неблагодарность! — вскричал Арифрон. — Ты подумай, Каллий! Действительно, правильно говорят, что освобождённые рабы не сохраняют благодарности к хозяину! Подлый, дикий скиф!

— Отец... — мягко начал Каллий, — так ли уж тебе нужна благодарность Гефеста? Разве ты освободил его для этого? И потом... может быть, будет даже хорошо, если он уедет...

— Что ты хочешь сказать?

— Видишь ли... Гефест был, конечно, хорошим педагогом, но мне кажется, что Лин излишне привязался к нему...

— Ты прав, мой Каллий. Я давно это заметил.

— Ну так вот. Братишка ещё очень юн, Гефест был с ним всегда заботлив и ласков. А у Лина доброе, нежное сердце. Он и... полюбил его.

— Полюбил? Раба? Что ты такое говоришь, Каллий?

— Ну, пусть не полюбил, хотя ведь даже Одиссей был привязан к своей старой кормилице, а просто излишне благосклонен к нему. Если Гефест уедет, мальчик быстро забудет о нём. Да и зачем тебе нужна подать от педагога? Ведь мы же богаты!

— Мне его подать совсем не нужна. Что нам эти гроши? Но этого требуют законы Афин. Что скажут обо мне, если я их нарушу?

— Никто ничего не скажет, если ты сам объявишь, что решил послать вольноотпущенника по делам, ну, скажем, в Херсонес Таврический или в Пантикапей. Ведь у тебя есть там знакомые купцы?

— Есть, конечно.

— Ну и прекрасно. Давай не будем омрачать этих радостных дней из-за раба. Сделай это для меня...

— Будь по-твоему, мой Каллий, — вздохнул Арифрон, — тебе я не могу ни в чём отказать. Но, прости, решительно не понимаю, почему ты так заботишься о неблагодарном рабе?

— Да не о рабе я забочусь, отец. Что мне Гефест? Я и не замечал его никогда. Но мне хочется, чтобы Лин считал тебя великодушным...

— Гм... — неопределённо протянул отец, — ладно, только ты уж сам устраивай всё это. Денег я, понятно, дам, сколько понадобится.

— Конечно, конечно! Ты просто не думай больше о Гефесте. Скоро мы отправим его к тем дикарям, к которым он так стремится! А сейчас пойдём переодеваться — ведь скоро уже начнут собираться гости!

Вечером, поправляя венок из сельдерея на голове, Арифрон рассказывал друзьям о своём решении отослать вольноотпущенника в Пантикапей. Один из пирующих выразил мнение, что рабство, быть может, не всегда справедливо. Арифрон же в блестящей речи опроверг эту точку зрения. Как животное ниже человека, сказал он, так и человек, стоящий ниже себе подобных, является рабом по природе и ничем другим он быть не может. Да и для него самого рабское состояние лучше всякого другого. Но вообще не следует держать в доме слишком много рабов. Это создаёт лишние осложнения.

Гости подняли чаши, прославляя мудрость хозяина.

* * *

В задней части дома, в небольшой комнате тускло горел маленький светильник. Заплаканный Лин всё ещё всхлипывал, уткнувшись носом в подушку, а Гефест сидел на полу около его ложа и ласково поглаживал ноги мальчика.

— Не надо плакать, молодой хозяин Лин, — тихо говорил он, — отец не будет долго сердиться. . .

— Да я не оттого плачу, Гефест. Мне. . . мне тебя жалко. . .

— Молодой хозяин Лин так добр ко мне. Я никогда, никогда не забуду этого, чтобы ни случилось со мной потом.

— Может быть, Каллий упросит отца?

— Кто знает!

— А тебе не жаль будет покинуть нас, Гефест?

— Всё моё сердце останется с молодым хозяином. . . Но ведь там мой народ, моя родина!

— Это правда, — задумчиво сказал Лин. — Конечно, это не то, что Афины, но. . .

— Нет, это не то, что Афины, — улыбнулся Гефест, но не успел ничего больше сказать. Откинув занавеску, в комнату стремительно вошёл Каллий. Гефест и Лин вскочили.

— Послушай, Гефест, — начал Каллий, бросив быстрый взгляд на заплаканные глаза Лина, — отец согласен отпустить тебя!

— Да благословят вас боги! — громко воскликнул Гефест, поднимая к небу руки.

— Но как же ты будешь жить там? Ведь ты всё-таки немного образован, привык к жизни в богатом греческом доме, а твои соплеменники просто дикари!

— Это верно, молодой хозяин Каллий, — слегка насмешливо согласился Гефест, — они, конечно, дикари по сравнению с афинянами. Но я такой же скиф, как они. А если я чему-нибудь научился здесь за все эти годы, разве не будет для меня великой радостью передать свои знания им?

Каллий изумлённо смотрел на педагога. Мысли и чувства, которые высказывал этот варвар, были поистине почти достойны просвещённого эллина. Ведь верность своему отечеству считалась у греков самой высшей доблестью.

— Ну, вот что, — продолжал юноша, — через неделю из Пирея в Пантикапей отплывает корабль знакомого отцу купца. Я заплачу за твой проезд и дам тебе денег на дорогу, так что собирайся!

Гефест, опустив засиявшие глаза, низко-низко склонился перед Каллием.

— Каллий! — жалобно и тихо проговорил Лин.

— Что, братишка?

— Я. . . я никогда не видел Пирея. . .

Каллий слегка нахмурился, но потом рассмеялся.

— Ах ты, хитрец, — потрепал он спутанные кудри мальчика. — Ну, хорошо, хорошо, я покажу тебе нашу гавань. Кстати, и поручим заботам купца твоего Гефеста! — И, продолжая весело смеяться, юноша быстро вышел.

— Если благословения скифа могут принести счастье, ты будешь счастлив, как бессмертные боги, мой мальчик, — серьёзно и проникновенно сказал Гефест, впервые обращаясь так к Лину, — а любовь моя к тебе не угаснет никогда, пока я жив!

И неожиданно раб-педагог и эллинский мальчик знатного рода крепко-крепко обнялись. . .

Глава XV

БУДЬ СЧАСТЛИВ, ГЕФЕСТ!

Повозка быстро катилась по колеям, вырытым в твёрдой, каменистой почве, и так тряслась, что нельзя было говорить без риска прикусить язык. Поэтому Лину не удалось подробно расспросить Каллия о Длинных Стенах, между которыми шла дорога. Впрочем, он учил в школе их историю и знал, что они охраняют путь в Афинскую гавань — Пирей. В Пирее стоял весь военный флот, основа морского могущества Афин, в Пирее же находилась и пристань для торговых кораблей.

На центральной площади города, у рынка, повозка остановилась.

— Ступай в съестные ряды,— обернулся Каллий к скромно сидевшему позади Гефесту, — и купи себе еды на дорогу, да побольше — плыть придётся долго. А потом приходи в торговую гавань. Спросишь там, где стоит корабль купца Главкона.

— Хорошо, молодой хозяин.

— Эй, Питтак, — окликнул юноша возницу, — видишь вон ту харчевню?

— Где нарисована отварная телячья голова и ножки?

— Ну да. Оставь там пока лошадей и помоги Гефесту донести покупки до пристани. Затем возвращайся сюда и жди нас.

— Слушаюсь, хозяин.

— Мы пойдём дальше пешком. Теперь уже близко, да и проехать в такой толпе трудно!

Улицы, как лучи, расходились от рынка во все стороны. Боги, какой шум! Никогда ещё не приходилось Лину слышать такого! Даже на Олимпийском стадионе было, пожалуй, потише. Множество людей, бурно жестикулируя и перекрикивая друг друга, спорили на разных языках. Сгибаясь под тяжестью тюков с товарами, толкались и переругивались носильщики и грузчики. Они несли кожаные мешки с зерном, громадные глиняные бочки — пифосы, наполненные солёной рыбой, свёртки бычьих шкур, корзины с миндалём и фигами, пухлые, перевязанные ремнями охапки шерсти и льна. Смуглые иноземцы в странных, непривычных одеждах яростно торговались с владельцами многочисленных лавок и мастерских.

Чем ближе к порту, тем оглушительнее становился шум. С кораблей сгружали строительный лес, и брёвна с грохотом катились по настилу пристани.

— Куда мы идём, Каллий? — спросил Лин.

— К торговой гавани. Она называется Эмпорий. Военный порт мы посмотрим потом.

Большая дамба для причала торговых кораблей отходила от самого центра набережной.

— Видишь большое здание против дамбы? — указал Каллий.

— Да, а что это такое?

— Это знаменитая Дигма, центр международной торговли. Здесь купцы выставляют образцы привезённых товаров. Здесь же можно обменять иноземные деньги на греческие или взять в долг, под залог товаров и кораблей. Наверное, там мы найдём и Главкона.

— Сколько здесь народу!

— Ещё бы! Афины торгуют со всем миром. Из Египта везут к нам подвес-

ные паруса и папирусы, из Ливии — слоновую кость, с родины Гефеста — пшеницу и солёную рыбу, из Финикии — муку, из Карфагена — ковры... Да всего не перечесть и за целый день! А вот и Главкон!

— Приветствую сына почтенного Арифрона, знаменитого олимпионика Каллия! — почтительно поклонился толстый, богато одетый человек.

— Здравствуй, Главкон! Отец шлёт тебе привет и просит взять на корабль нашего вольноотпущенника Гефеста, которого он посылает в Пантикапей. Вот письмо от отца, а вот и деньги за проезд!

— Я рад услужить почтенному Арифрону. Мы снимаемся с якоря через два часа, погрузка уже заканчивается.

— Вот и прекрасно! Кстати, Главкон, Гефест дельный работник, и отец его очень ценит, так что обращайся с ним хорошо!

— Конечно, конечно, прекрасный Каллий!

Лин крепко сжал руку брата.

— Какой ты добрый! — растроганно сказал мальчик.

— Ну, пройдёмся пока немного, братишка. До свидания, Главкон, мы ещё увидимся!

* * *

Вокруг Дигмы шумела и волновалась толпа. Любопытные афиняне расспрашивали купцов обо всём: сколько стоят продукты на разных рынках Чёрного и Средиземного морей, какие случились в этом году кораблекрушения, какие необыкновенные страны существуют на свете, где и какие произошли чудеса, кто с кем в дружбе или в ссоре. Со всех сторон только и слышалось: «Ти неотерон?», «Ти неотерон?» [1].

[1] «Что нового?»

Шум и крики пёстрой, разноязыкой толпы сливались со стуком топоров и визгом пил на соседних верфях, а из окружающих Эмпорий гостиниц и харчевен слышались звуки флейт и песни подгулявших моряков.

— У нас есть ещё время, — сказал Каллий, — пойдём, я покажу тебе наш флот.

Войдя в военный порт, Лин невольно ахнул. Мощные, грозные, стояли у причалов триэры, и на верхней части кормы у каждой возвышался шест с фигурой богини Афины, а рядом сверкал позолоченный гребень. На носу, над самой водой, угрожающе торчал металлический клюв.

— Какая масса кораблей, Каллий!

— Ну, это только маленькая часть флота. Ведь здесь их не больше нескольких десятков.

— А сколько же всего?

— Около четырёхсот.

— Где же остальные?

— Одни несут охрану, другие в походе, а большинство сушится в доках.

— Как сушатся? Почему?

— Они ведь плоскодонные, и если находятся в воде слишком долго, днище разбухает и начинает гнить. Поэтому надо их время от времени просушивать...

— Наверное, на такой громадине помещается куча людей?

— Да, не меньше двухсот человек, а то и больше. Вот, считай: сто семьдесят гребцов, которые сидят в три-четыре ряда, несколько десятков офицеров во главе с командиром — триерархом, да ещё десять — двенадцать солдат морской пехоты. Солдаты должны находиться на палубе в полном вооружении.

— А где сидит кормчий?

— В будке на корме. Оттуда он, при помощи канатов, управляет двумя кормилами в виде больших лопат.

ПОРТ ПИРЕЙ В АФИНАХ

КОСТЮМЫ ВСЕХ НАРОДОВ, РАЗНОЯЗЫЧНАЯ РЕЧЬ, ДВИЖЕНИЕ ЯРКОЙ И ПЁСТРОЙ ТОЛПЫ.

ПОРТ ПИРЕЙ В А

КОСТЮМЫ ВСЕХ НАРОДОВ, РАЗНОЯЗЫЧНАЯ РЕЧЬ, А

В АФИНАХ

РЕЧЬ, ДВИЖЕНИЕ ЯРКОЙ И ПЁСТРОЙ ТОЛПЫ.

— А зачем эта острая штука на носу?

— Для удара по неприятельскому кораблю во время боя.

— Здорово!

— Да, мальчик. Афины — мощная морская держава, самая могучая в мире. Ты можешь гордиться своей родиной!

— Скажи, Каллий, а где я буду служить, когда мне исполнится восемнадцать лет? На этих кораблях?

— Нет. Воинскую повинность отбывают в сухопутных войсках. Ты будешь, как был и я, гоплитом. Помнишь их?

— Ещё бы!

— Ну, а теперь пора вернуться в Эмпорий. Скоро корабль Главкона отплывает. Кстати, вот тебе кошелёк.

— Зачем?

— Отдай его Гефесту. Ведь ты решил участвовать в следующих Играх, правда? Пусть Гефест приедет, если захочет на тебя посмотреть...

— О Каллий!

— Пойдём, пойдём!

Гефест уже ждал их у корабля, совсем не похожего на стройные, мощные триэры. Как и все торговые суда, корабль Главкона был до того широк, что его ширина равнялась четвёртой части длины.

На палубе ещё шла суматоха — втаскивали и укладывали последние тюки, вносили сосуды с пресной во-

дой и запасы провианта. Гефест стоял рядом с трапом, напряжённо вглядываясь в толпу. Когда показались Каллий и Лин, чёрные глаза скифа просияли.

— Я думал, молодые хозяева уехали домой, — тихо сказал он.

— Ну что ты! Я не уехал бы, не попрощавшись с тобой, — горячо возразил Лин.

— А где твои вещи? — удивился Каллий.

— Все уже на корабле. Почтенный Главкон приказал отнести их.

Каллий насмешливо улыбнулся. Видимо, его слова подействовали на купца, и он решил позаботиться о своём пассажире.

— Вот видишь, Лин, Гефесту будет совсем не плохо на корабле Главкона!

— А долго они будут плыть?

— Даже если море окажется спокойным, не меньше чем дней десять — двенадцать. От Пирея до Пантикапея далеко.

— Далеко... — повторил Гефест, вспомнив своё первое плавание.

— Наверное, ты не думал, что придётся ещё раз плыть этой дорогой?

— Как я мог думать? Мне пришлось бы умереть рабом, если бы не доброта молодых хозяев! — Глаза Гефеста с грустной нежностью остановились на Лине.

— Не зови меня больше так, — сказал мальчик, — я уже не хозяин тебе.

— У нас говорят: «Того, кто спас твою жизнь, надо считать властелином до конца своих дней». Ты спас мне больше, гораздо больше, чем жизнь, молодой хозяин. И сердце моё разрывается при мысли, что я покидаю тебя навсегда!

— Почему же навсегда, Гефест? Разве ты не вернёшься?

— Нет, молодой хозяин...

— Ну, а если ты не найдёшь там ни родственников, ни людей своего племени? Ведь ты сам говорил, что прошло уже очень много лет!

— Всё равно. Как могу я приехать?

— А вот как! — И Лин торжественно потряс толстым, тяжёлым кошельком. — Это тебе на обратную дорогу!

Гефест смотрел на мальчика с недоумением и даже с испугом. Неужели его отпускают только на время? По афинским законам хозяева имели право в любой момент отменить вольную... Нет! Лучше смерть, чем снова рабство!

— Не пугайся, Гефест, — вмешался Каллий, — я всё тебе сейчас объясню. Лин решил так хорошо тренироваться, чтобы через четыре года участвовать в Олимпийских играх. Если он сдержит слово, я обещал ему, что ты приедешь на него посмотреть. Поэтому отец и я даём тебе деньги на обратный путь. Ты понимаешь меня?

Гефест пристально смотрел на красивого юношу. Так вот в чём дело! Родственники хотят воспользоваться привязанностью Лина к педагогу, чтобы заставить его стать таким, каким, по их мнению, следует быть афинскому мальчику! Но, с другой стороны, любовь Лина к рабу им до крайности неприятна. Поэтому ему, Гефесту, и разрешили уехать, чтобы удалить его, а вовсе не от доброты, так удивлявшей и трогавшей его.

Лёгкая, слегка насмешливая улыбка тронула губы скифа.

— Я всё понял, молодой хозяин Каллий, — с ударением сказал он, глядя Каллию прямо в глаза, — и я буду счастлив, если молодой хозяин Лин станет таким же атлетом, как его прекрасный брат!

— Ты приедешь? — спросил Лин. — Ведь правда, приедешь?

— Клянусь тебе, — серьёзно ответил, подняв правую руку, Гефест, — я приеду в Олимпию, если узнаю, что молодой хозяин участвует в Играх!

— Я пришлю тебе весточку с какимнибудь купцом, — вставил Каллий, — а ты наведайся к этому времени в Пантикапей!

— Четыре года — долгий срок, — задумчиво сказал Гефест, — но если я буду жив, весть найдёт меня в Пантикапее...

— Пора сниматься с якоря! — крикнул Глаукон.

— Да благословят тебя боги, молодой хозяин Лин. Мою благодарность и любовь к тебе не выразить никакими словами. И я верю, что мы ещё свидимся в Олимпии. Ты достигнешь этого, если захочешь!

— Я обещаю, Гефест!

— Значит, так и будет. Помнишь, ты читал мне слова вашего поэта Пиндара? «Нет другой звезды, благороднее солнца, звезды, дающей столько тепла и блеска в пустыне неба...»

— «Так и мы прославляем те, что всех игр благородней — Олимпийские игры», — докончил сквозь слёзы Лин.

— Прощайте же! — И Гефест, опустившись на колени, прижался лбом к ногам мальчика. Уже не пытаясь сдержаться, Лин громко заплакал, и подошедший Глаукон с изумлением смотрел на него. Каллий закусил губу.

— Пора на корабль, — сказал он, —

ступай с Глауконом, Гефест. Мы посмотрим, как вы отплывёте!

— Прощай и ты, прекрасный Каллий, — поклонился Гефест, впервые не называя юношу хозяином. — Будь спокоен, я всё понял. . .

И, взглянув ещё раз на рыдающего Лина, Гефест быстро поднялся на палубу. Слегка смущённый Каллий смотрел ему вслед.

«Странный раб. . .» — думал он.

Под громкие ритмические крики медленно пошли вверх тяжёлые якоря. Упали канаты, которые прикрепляли корму к толстым причальным тумбам на берегу, гребцы взмахнули вёслами, и корабль стал отходить от набережной Пирея. Всё шире становилась полоса воды между Лином и пристально глядевшим на него Гефестом. . .

— До встречи в Олимпии, молодой хозяин Лин! — крикнул скиф. — Будь счастлив!

— Будь счастлив и ты, Гефест!

Корабль плыл к проходу между двух каменных стен, глубоко уходивших в море и охранявших внутренний порт в заливе. Долго ещё виднелась на корме фигура Гефеста с поднятой рукой.

Потом взвились паруса, корабль пошёл быстрее, и на палубе ничего нельзя уже было разглядеть. . .

Каллий обнял Лина за плечи.

— Пойдём, братишка, — с необычной мягкостью сказал он.

Медленно, оглядываясь, мальчик пошёл за братом. У выхода из порта он остановился и в последний раз взглянул туда, где белели в ослепительном блеске солнца и воды три паруса: два больших — на мачте и третий, поменьше, под ними.

— Будь счастлив, Гефест, — прошептал он ещё раз и, не оглядываясь больше, быстро пошёл прочь. . .

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Озерецкая Елена Леонидовна
ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Ответственный редактор
Н. К. Неуймина.
Художественный редактор
В. В. Куприянов.
Технический редактор
З. П. Коренюк.
Корректоры
Л. К. Малявко и
К. Д. Немковская.

Подписано к набору 22/IX 1971 г.
Подписано к печати 24/II 1972 г.
Формат 60×90¹/₈. Бум. № 1.
Печ. л. 10. Усл. п. л. 10. Уч.-изд. л. 7,8.
Тираж 100 000 экз. ТП 1972 № 439.
Ленинградское отделение
ордена Трудового Красного Знамени
издательства „Детская литература“
Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР.
Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6.
Отпечатано с диапозитивов
фабрики „Детская книга“ № 2
Росглавполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР
Ленинградской фабрикой
офсетной печати № 1
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР.
Кронверкская ул., 7.
Заказ № 2274. Цена 85 коп.

85 коп.

